

Журналистка Юлия Бронникова

Наталия Левитина
Она что-то скрывает

«Автор»

Левитина Н. С.

Она что-то скрывает / Н. С. Левитина — «Автор»,
— (Журналистка Юлия Бронникова)

ISBN 978-5-457-17480-1

«Сотрудник отдела выплат гипнотизировал меня внимательным взглядом. Я его – возмущённо-заинтересованным. Всецело отдаться гневу мешала внешность собеседника. Трудно ненавидеть мужчину с таким лицом... Голубые глаза, тёмные волосы, гладко выбрит, а губы так красивы, что любовалась бы ими вечно, воображая всякие непристойные вещи... А ведь в данный момент я наверняка раздражала этого господина. Тогда как же он выглядит, когда улыбается? Сводит женщин с ума?...» Чудесный новенький джип Юли Бронниковой разбит, а страховку никто не спешит выплачивать, хотя все документы оформлены правильно! Более того, страховщик затеял целое детективное расследование: что-то выискивает, опрашивает неожиданных свидетелей, следит за Юлей, а вдобавок ворошит историю трагической гибели ее лучшей подруги! И в результате делает шокирующий вывод. Юля уже готова отказаться от денег, лишь бы её оставили в покое. Но похоже, и она сама чего-то недоговаривает... Ранее книга выходила под названием «Козырная дама».

ISBN 978-5-457-17480-1

© Левитина Н. С.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталия Левитина

Она что-то скрывает

Глава 1

Vanity

1

В декабре прошлого года, когда друзья и знакомые, да и вся планета в целом, подсчитывали ущерб, нанесённый их психике и банковским счетам глобальным экономическим кризисом, я волшебным образом стала обладательницей квартиры и новенькой иномарки. Но никому об этом не сказала.

Мало ли.

Люди так завистливы.

Отличная двухкомнатная квартира в недавно отстроенном микрорайоне. Во дворах среди разноцветных многоэтажек, похрустывая снежком, гуляли молодые краснощёкие мамы с колясками. Из окон открывался чудесный вид на лесной массив – занесённый снегом, он темнел на окраине города, по вечерам принимая в себя лиловый шар солнца в морозной дымке...

Квартира была пропитана ремонтными запахами: влажная штукатурка, обойный клей. Полная отделка – заходи и живи! Но мы с Никитой, конечно, сюда не переехали. Остались в нашей тесной однокомнатной, заставленной мебелью и обжитой до последнего миллиметра...

Нарядный перламутрово-белый джип-паркетник, похожий на конфету в блестящей обёртке, я поставила на стоянку.

Так надёжней.

Целее будет.

А сама между тем продолжала ездить на «жигулёнке». Красивый джип использовала всего пару раз. Последний – в начале февраля, когда возникла необходимость продемонстрировать одноклассникам свои жизненные достижения.

Знакомая сообщила, что наш класс собирается на встречу выпускников. Не могла же я заявиться на праздник тщеславия, сверкая царапиной на левом крыле «жигулёнка»!

Нем!

Конечно, я взяла со стоянки перламутровую иномарку. А кроме того, одолжила у свекрови роскошную шубу и у подруги – вечернее платье. Свекровь была в отъезде, поэтому я проникла в её квартиру, воспользовавшись запасными ключами. И, опрыскав пальмы, вверенные моим заботам, из шкафа драгоценное меховое изделие. Представляю, как заверещала бы Никитина мамочка, обнаружив пропажу.

Хотя у неё этих шуб...

Встреча одноклассников прошла отлично. Я не зря провернула военную операцию по раскулачиванию Ланы Александровны – благодаря затраченным усилиям не чувствовала себя на празднике бедной родственницей.

Вечеринка выпускников – как таможенный контроль в аэропорту: ты выкладываешь на конвейерную ленту свои достижения и их просвечивают инфракрасными лучами, подвергая пристальному изучению. Выкладывайте, у кого что есть: квартира, машина, диплом

¹ Vanity – тщеславие (англ.).

престижного вуза, парочка белобрых карапузов, полезные знакомства, счастливый брак, два иностранных языка, успешный бизнес по производству шлакоблоков, гладкая загорелая кожа, Нью-Йорк и Буэнос-Айрес, отлично сохранившаяся фигура...

Двадцать лет прошло с той поры, когда мы были подростками, целая эпоха отделяла нас от детства. Я думаю, самое весомое, что мог бы выложить человек на «оценочную ленту», – это жизненная философия, позволяющая существовать в ладу с собой и другими. Внутренняя гармония, благодаря которой ты способен принимать мир во всех его проявлениях, впитывая хорошее, не ломаясь от плохого. Принимать, но одновременно пытаться изменить его к лучшему в той мере, что подвластно твоим силам...

Увы, наверное, мне понадобится гораздо больше двадцати лет, чтобы достичь подобной гармонии. Поэтому я похвасталась лишь внешними атрибутами. Школьные друзья пристально рассмотрели шубу, платье и поцокали языками при виде автомобиля... «Ну, Ю-у-уля, ты конкре-е-е-тно в шоколаде!»

Вовсе нет!

На обратном пути красавчик джип внезапно умер прямо под светофором! Задумчиво пробормотав что-то, умолк мотор, в одно мгновение погасли все лампочки на панели... Заглохнуть посреди дороги – что может быть страшней для впечатлительной девицы?

Катастрофа!

Мужчины к подобному конфузу относятся гораздо спокойнее.

Вероятно, я была наказана за желание пустить пыль в глаза одноклассникам. Поехала бы на «Жигулях» – ничего бы не произошло... Потрясённая до глубины души, я поворачивала ключ в замке зажигания, гладила «торпеду», шептала, умоляла. Вечерний город сиял яркими огнями, на перекрёстке полыхал и переливался всеми цветами радуги огромный телевизионный щит...

Сделав пару панических телефонных звонков, я вскоре уже мотылялась на тротуаре, транспортируемая добрыми людьми в сторону автосервиса. Механик не узнал меня в той шикарной даме, что свалилась в его объятия из сверкающей иномарки: последние два года я приезжала к Геннадию исключительно на «Жигулях».

– М-м-м... – промычал Гена, рассматривая джип. – Красивая игрушка.

– Мне тоже нравится, – кивнула я.

Откуда нам было знать, что всего через пару дней эта красивая блестящая игрушка превратится в груды искорёженного металла?

Разговор с мамой – будто горный слалом: я виляю и уворачиваюсь, пытаюсь обойти красные флажки, расставленные на крутом заснеженном склоне. Я лавирую столь отчаянно, что дала бы фору олимпийским лыжникам в Ванкувере! В этом году зимняя Олимпиада началась ужасно: в ледяном бейсбольном жёлобе насмерть разбился молодой грузинский спортсмен. Что хорошего ожидать от мероприятия, имевшего столь трагический старт? Потерпев бесславное поражение, российская сборная вернулась из Канады практически ни с чем. Никогда ещё наши спортсмены не привозили так мало медалей...

Для меня февраль тоже выдался на редкость печальным.

А Марго и вовсе уволили. Вернее – с почестями проводили на пенсию. Блестящий финансовый аналитик в крупной столичной компании, мамуля уже четыре года как достигла критического – для наёмного работника – возраста. Однако понятие «пенсия» в приложении к Марго – это полный абсурд. При взгляде на шикарную леди, так и не истребившую с годами пагубное пристрастие к туфлям на высоких шпильках, в голове возникают совершенно другие ассоциации. Отправить Марго на пенсию – всё равно что перевозить почту в сельской местности на красном «феррари». В принципе почему бы и нет, однако не очень-то практично.

Но руководство корпорации решило иначе, и блистательную Марго списали в утиль. Так она мне и сказала по телефону. Но тут же пресекла попытку сочувствия, быстро переключившись на другую тему.

Я приготовилась получать удовольствие от того, что в тридцать с небольшим у меня есть шанс ощутить себя несмышлёным ребёнком. Когда ещё такое удастся, как не в процессе общения с мамой?

Красные флажки на горном склоне – это темы, закрытые для обсуждения. Маленькая ремарка: закрытые мной, но не Марго! Например, зачем в тысячный раз затрагивать вопрос о моей работе? Или говорить о ненаступающей беременности? Да, всё это действительно меня волнует. И в разговорах с подругами данные темы вовсе не являются табу. Но вот с мамой хочется поболтать о чём-то отвлечённом. Её пристальное внимание к моим проблемам возводит их в ранг всемирных катастроф. Я бы предпочла не рассматривать эти вопросы сквозь увеличительное стекло, а заниматься ими в рабочем порядке, без надрыва.

Как и любой городской житель, я привычна к бешеному ритму мегаполиса. Мой день состоит из миллиона дел, звонков, встреч, поездок. Постоянно надо куда-то мчаться, давить на газ. Я многое успеваю, и среди друзей считаюсь настоящим энерджайзером.

Но для собственной мамы я – кёрлинговая чушка, неторопливо скользящая по льду. Без всякого сомнения, она воспринимает дочь именно так! Движение камня для кёрлинга чересчур неторопливо. Марго мельтешит рядом со шваброй, изнемогая от желания подтолкнуть его ещё и ещё раз... Думаете, приятно ощущать себя каменной чушкой?

Не надо меня подталкивать!

Мы могли бы поговорить о приятном. К примеру, о мамином увольнении. Теперь у неё будет гораздо больше времени для себя и мужа. Год назад Марго вышла замуж. Её избранник, Юрий Валентинович, выше всяких похвал и заслуживает более внимательного отношения. Дело ли – они живут врозь: у Юрия Валентиновича бизнес в нашем городе, у Марго – работа в Москве.

Была.

Теперь, когда мама свободна, молодожёны наконец-то в полной мере удовлетворят обоюдную страсть к путешествиям. Куда планируют отправиться в этом году, какие континенты собираются исследовать? Они уже объездили вдоль и поперёк всю Южную Америку. Для них Монтевидео, Кито, Лима, Каракас, Сантьяго – не маленькие буковки на карте, а золотисто-красное полотно ярких воспоминаний, вытканное замысловатыми узорами: пейзажи, архитектура, лица, обычаи...

Что на очереди? Австралия?

Отлично!

Из Австралии Марго не сможет звонить мне слишком часто – вмиг разорится!

Но задержаться на благодатной теме путешествий не удаётся. Мама упорно капает из пипетки серную кислоту на мой бедный мозг: ты выбрала неудачное место работы, ты ничего не делаешь, чтобы приблизить счастливое материнство, почему вы с Никитой до сих пор официально не оформили свои отношения...

Однако, в конце концов, она вспоминает, какой кошмар я пережила совсем недавно, в начале февраля, и сбавляет обороты.

– Ты как вообще? Немного восстановилась? – заботливо интересуется Марго.

– Всё нормально. Почти, – вру я.

Ещё и месяца не прошло – разве нервная система человека восстанавливается за такой короткий срок? И восстанавливается ли она в принципе?

Куда я подевала ежедневник?

Никак не могу вспомнить!

Уже восемь раз перерыла две сумки – чёрную и сиреневую. Каждая из них имеет объём, сравнимый с водоизмещением нефтеналивного танкера, и, как Эрмитаж, способна вместить невероятное количество ценных предметов. Поэтому в моих сумках легко затеряться не только записной книжке, но и холодильнику...

Уже десять раз обыскала квартиру – вскрыла пол, отодвинула шкаф... Ничего не нашла. Если б я принадлежала сообществу флай-леди, меня давно бы наградили Большой Медалью Позора. Флай-леди пытаются выработать системный подход к ведению домашнего хозяйства. Как сделать так, чтобы в доме всё блестело и покоилось на определённых местах, но при этом ты осталась жива, не покрылась экземой от постоянного контакта с моющими средствами и не потеряла рассудок? По-моему, задача абсолютно не выполнима. Это то же самое, что расчертить по линейке Вселенную и загнать каждую звезду и планету в отдельную клеточку. Каждый раз перед возвращением Никиты из командировки я пытаюсь это сделать, спешно разгребая завалы. Они образуются молниеносно – любимый даже не успевает доехать до аэропорта, отправляясь в очередной вояж. Домашнее хозяйство – это хаос. Особенно если большую часть дня ты проводишь на работе.

Итак, в квартире ежедневника я не нашла.

Тогда постаралась вспомнить, где бывала в последнее время, с кем встречалась.

Уф...

Ещё более сложная задача!

В феврале я нанесла визит в десятки инстанций и общалась с сотнями людей от директора детского дома и главного инженера завода полуприцепов до начальника областного управления соцзащиты и менеджера фирмы ритуальных услуг... Если работаешь в областной газете, твой недельный список контактов имеет больше позиций, чем перечень статей в «Википедии».

Проще было бы завести новый блокнот. Но, во-первых, не так-то просто найти подходящий. Мой был в приятной обложке из кожи, с застёжкой на очаровательную кнопку и с удобным интерфейсом – на каждом развороте умещалась неделя, а сбоку торчали разноцветные стикеры, позволяющие быстро ориентироваться в записях. Качественная бумага, чёткий шрифт... Видимо, я – блокнотный маньяк. А дело идёт к весне. Значит, у меня стадия обострения.

Во-вторых, полиграфическое чудо мне подарил Никита. И я потеряла его подарок! Ужасно.

В-третьих, в ежедневнике у меня были карточки с английскими словами. В новом году я дала себе твёрдое обещание выучить хотя бы один иностранный язык. Люди и по три знают. А я, бестолковая, демонстрирую унылую монолингвистичность.

Это несомненно.

Я добавила ещё один пункт в «Планы на этот год»:

...25. Проявлять толерантность в отношении чужих недостатков.

26. Разобрать антресоли.

27. Вернуть Еве фен.

28. Выучить английский.

29. Каждый день звонить маме и отправлять ей sms-ки!

30. Сходить на балет «Жизель».

31. Набрать два килограмма и удержать их на себе.

32. Почаще заниматься сексом. Особенно – в дни овуляции!

33. Почаще заниматься сексом в миссионерской позе. Подозреваю, поза летучей мыши и все остальные, столь излюбленные нами с Никитой, совершенно неэффективны в плане зачатия.

34. Водить Нонну в спортклуб.

35. Постараться быть более искренней в проявлении чувств. Не улыбаться, если хочется материться!

36. Проездить весь год без аварий.

И так далее.

Только не спрашивайте, сколько пунктов содержал окончательный вариант «Планов». Я посвятила составлению и редактированию новогодних обещаний не один день.

Добавив задание в список, прямо в январе записалась на курсы. И сразу же выяснила: внедрять в мозги иностранный язык – это пытка. Английский в мою голову приходилось заколачивать чуть ли не молотком, хотя я спокойно удерживаю в ней миллионы отчеств и фамилий всех моих знакомых. Однако запомнить сотню-другую английских глаголов никак не удавалось. Поэтому каждый день я писала карточки и складывала их в записную книжку, чтобы постоянно иметь под рукой...

Наверное, придётся заводить новый ежедневник и переделывать карточки. Поговаривают, и планы на каждый день, и английский словарь – всё это можно забить в память мобильного телефона.

Неужели правда?!

В голове не укладывается!

Потрясающе, как далеко зашло развитие средств связи! Но нет, я уж лучше по старинке – авторучкой по бумаге. Как-то надёжнее, и запоминается быстрее.

Что ж... Неудивительно, что мой блокнот потерялся. Февраль был просто кошмарным, я едва справилась. И, мне кажется, февральская трагедия будет иметь продолжение.

Глава 2

Последовательница принцессы Дианы

Если удастся проехать зиму, не влетев в кого-нибудь на гололёде, буду буйно праздновать – с шампанским и устрицами!

Насчёт устриц – пошутила, конечно.

Но насчёт шампанского – чистая правда.

Словно в назидание борцам с глобальным потеплением, зима выдалась лютой. Термометр показывал то тридцать, то сорок ниже нуля. Снег сыпал без перерыва, словно мы в Канаде. Мы отвыкли от настоящей зимы, ведь последние несколько лет месили ногами серую кашу и ходили без шарфов и перчаток. И вдруг – подобное великолепие! Метели, трескучий мороз и ежедневно – новая порция сверкающего белого снега. Бывало, приходилось по пять раз чистить машину. Выхожу из дома – вижу сугроб. Выхожу из редакции – та же история. Приезжаю на интервью, и пока веду беседу, мой автомобиль планомерно заматывается снегом.

Стихия.

Чудесно.

Одно плохо: городские службы постоянно пребывали в ступоре не в силах справиться с нештатной ситуацией. На неубранных дорогах – глубокая колея, на перекрёстках – ледяная гребёнка, по обочинам – трёхметровые сугробы.

Лучше бы сугробы лежали за городом. И «ниссан», улетев с шоссе, кувырнулся бы прямо в снежную подушку. Тогда, возможно, обошлось бы без человеческих жертв...

Сотрудник отдела выплат страховой компании «Атлант» гипнотизировал меня внимательным взглядом. Я его – возмущённо-заинтересованным. Всецело отдаться гнев мешала внешность Егора Максимовича. Ему, очевидно, нет и тридцати. Трудно ненавидеть мужчину с таким привлекательным лицом... А ведь в данный момент я наверняка раздражала господина Петрова. Тогда как же он выглядит, когда улыбается? Сводит женщин с ума?

Голубые глаза, тёмные волосы. Егор Максимович гладко выбрит, а губы его так красивы, что любовалась бы ими вечно, воображая всякие непристойные вещи...

Юля, прекрати!

Да, когда Никита в отъезде, я слегка не в себе! В перерывах между командировками любимый доводит меня до крайней степени возбуждения, непрерывно стимулируя моё либидо. А потом, превратив в пылающий факел, уезжает в очередной вояж. Долгие дни я провожу в тоскливом изнеможении...

Что остаётся?

Любоваться сотрудником страховой компании.

У него крепкие плечи, отличная фигура – костюм сидит идеально. Как мало надо мужчине, чтобы очутиться в номинации «красавчик». Но сколько усилий нужно приложить, чтобы удержаться в категории «классный парень»: здесь внешность не играет уже никакой роли. Неверное слово, липкий взгляд – и никто не уберёжет давешнего красавчика от звания «козёл». Трусливый поступок, маленькая подлость – и ты уже даже не козёл, а просто «не мужик».

Но Егор Максимович пока что не произнёс ни слова. Мне только предстоит узнать, каков он на самом деле, этот симпатичный юноша. Документы, кстати, я сдавала не ему, а милой барышне в соседнем кабинете. Она сочувственно кивала, вздыхала и обещала всё

сделать в максимально короткий срок. Но пролетело почти три недели, а страховая компания не торопится возвращать мне деньги.

Костюм у Егора Максимовича, кстати, явно не из дешёвых. Парнишка хорошо зарабатывает, «обувая» клиентов? Тянет с выплатами, занижает суммы или находит тысячу причин, чтобы и вовсе ничего не платить?

За стеклянной перегородкой – другие сотрудники и посетители. В воздухе летают обрывки разговоров, слышно гудение ксерокса и принтера, везде мерцают мониторы, деловито пробегают по коридору девушки с бумагами. Офис страховой компании не назовёшь сонным царством, скорее он напоминает встревоженный улей...

– Три недели назад написала заявление, сдала документы! – повторила я свою претензию. – А вы вообще ничего не делаете!

Во мне кипит негодование. На кону – немалая сумма. Изящный паркетный джип расколочен вдребезги и не подлежит восстановлению. Это значит, «Атлант» обязан выплатить мне полную стоимость автомобиля.

Но они почему-то не торопятся!

Егор Максимович сосредоточенно поворошил бумаги, что-то почитал. Затем потёр переносицу указательным пальцем, нахмурил брови. Этот роскошный изгиб бровей... Точно-точно как у Марлона Брандо!

Я опять думаю не о том.

– Юлия Андреевна, – неожиданно мягко произнес Егор Максимович, – я понимаю ваше негодование. Но мы ещё не готовы выплатить вам деньги, так как собрали не все документы.

– Чего конкретно вам не хватает?

– Согласитесь, Юлия Андреевна, у вас не совсем простая ситуация... – сокрушённо покачал головой сотрудник. – Мы разослали запросы. Теперь ждём, когда ответят. Проверим все обстоятельства. Поверьте, на это требуется определённое время.

– Неужели трёх недель было недостаточно?

Егор Максимович развел руками:

– Да, недостаточно. До выяснения всех обстоятельств мы имеем полное право задержать выплату. Принести вам кофе? У нас есть автомат.

– Нет, спасибо.

– Почему же? На улице жуткий мороз. Вы как добрались? На общественном транспорте?

– Нет. У меня машина.

Егор Максимович удивлённо приподнял бровь.

Да, белоснежный «ниссан» в руинах, восстановить его не по силам даже волшебнику. Да и смысла нет. Но откуда Егор Максимовичу знать, что у меня ещё есть верный Санчо Панса – «жигулёнок»? Сегодня утром было минус тридцать пять, и он завёлся – пусть даже и с третьей попытки. А справа на парковке у дома так и не ожил «мерс», слева – хрюкнул и затих «фольксваген».

Русская зима губительна для немцев.

Кто бы сомневался!

– Да, приехала на машине. И совершенно не хочу вашего кофе! – вредно заявила я, надевая маску злобной гарпии. Если они не отдадут мне деньги, эта маска станет моей сутью. – Уточните, Егор Максимович, как долго вы собираетесь выяснять обстоятельства? Хотя чего там не ясного. В ГАИ всё зафиксировано. Скажите точнее – когда будет результат?

– М-м... В разумные сроки.

– Разумные – это как? Сколько ждать? Ещё неделю, месяц?

– Юлия Андреевна, в каждом конкретном случае это определяется отдельно.

– Целый год?! – изумлённо выдохнула я.

Вкрадчивый голос сотрудника отдела выплат завораживал. Егор Максимович сидел напротив меня, нас разделял стол с аккуратно разложенными папками. Степлер лежал строго перпендикулярно к подставке с карандашами и ручками и параллельно папкам. Файл с моими документами имел нарядную зелёную обложку, Егор Максимович листал страницы, придерживая их за уголок – едва ли не с благоговением... Его ногти идеально подстрижены.

Я попала в лапы педанта?

Только не это!

Он меня замучает!

Однако манера Егора Максимовича вести диалог такова, что я не чувствовала в нём противника. Он словно и не сидел напротив, готовый дать отпор любой претензии или обвинению. Нет, он словно сочувственно обнимал за плечи. Десять минут назад мне казалось, что я раздражаю господина Петрова. Но, видимо, это был фантом, существовавший исключительно в моей голове: я представила, как раздражали бы меня нервные посетительницы, будь я сама на месте Егора.

На самом деле он готов беседовать со мной бесконечно долго, терпеливо разъясняя детали. И не отвечая прямо ни на один вопрос!

– Целый год? М-м... Вряд ли. Но два-три месяца – запросто.

– Кошмар. Я буду жаловаться, – неуверенно промямлила я. Моя злобная гарпия уползла под стол и затаилась там.

– Вы имеете на это полное право, – поддержал меня Егор. – Можете изложить свои претензии в письменной форме. Если что – вплоть до суда. Вы не передумали насчёт кофе?

– Передумала. Давайте несите.

Надеюсь, бумажный стаканчик с кофе не станет единственной компенсацией, выданной мне страховой компанией «Атлант»?

Сколько себя помню, мама всегда была недовольна моей работой. Раньше я писала статьи для рекламного журнала «Удачные покупки». Сейчас тружусь в областной газете «Уральская звезда». Роднит два издания только заглавная буква «У» в названии. На этом сходство заканчивается. В журнале я получала хороший оклад, гонорары и комиссионные за рекламу, а в газете платят три копейки. Там была неотъемлемым звеном славного коллектива, тут – страдаю в окружении хмурых личностей, уже взъевшихся на меня из-за чрезмерной деловой активности.

Да, вероятно, на этот раз Марго права!

Журнал «Удачные покупки», увы, прекратил своё существование в прошлом году. Но, несмотря на экономический кризис и паралич рынка труда, я сразу же получила массу предложений о работе – в том числе и великолепных. И умудрилась выбрать самое никудышное.

Как меня угораздило?

И кто виноват?

Виновата в моём поспешном выборе, как ни странно, сама Марго! Все годы, пока я работала в «Удачных покупках», она не прекращала меня терроризировать. Мол, воспеваю на страницах журнала богачей. А я всего лишь писала имиджевые статьи для успешных предпринимателей, занималась рекламой – это разве преступление? И вот подвернулся шанс реабилитироваться в глазах любимой маман. Теперь я вкалываю в «Уральской звезде», заведу отделом социальных проблем, поднимаю голос в защиту «униженных и оскорблённых».

Областная газета выпускается с 1968 года – это старейшее издание нашего региона. Естественно, название ей придумали в те времена, когда каждый второй листок назывался «Звездой» или «Вестником»... Прошли годы, и сейчас словосочетание «уральская звезда» навеивает мысль о какой-нибудь звезде шоу-бизнеса родом из уральской глубинки... Насколько быстро меняются значения слов! Я, например, ещё не нажила седых волос, но

помню времена, когда слово «интимный» относилось исключительно к сфере психологии и вовсе не подразумевало что-то, связанное с нижним отделом человеческого организма. А сейчас это слово имеет сугубо физиологическое значение...

Главный редактор постукивал авторучкой по бумагам и смотрел в окно. У нас серьёзный разговор. В новом боссе я уже разочаровалась. На работу меня принимал обаятельный мужчина монументального роста с львиной гривой волос и хорошо поставленным голосом. Его бас разливался по редакции полноводной рекой. Главред умело одаривал комплиментами: я вдруг поняла, что без моего суперпрофессионального пера «Уральская звезда» просто не выживет!

И вот сейчас, спустя три месяца, передо мной не властный лев, а жалко твякающая гиена на трясущихся ножках. Я уже знаю: мой босс всего боится. Особенно сильно – порицания со стороны негласного владельца печатного органа.

Даже не подозревала, что в наше время, когда страницы всех изданий залиты зловонной жижей сплетен и пропахли грязным бельём, вывернутым наизнанку, всё ещё существует цензура! Уже лет сто никто не исправлял моих статей. И вот на тебе – главный редактор цепляется к каждой фразе. «Зачем вы так написали, возникнет нежелательный резонанс... А здесь, Юлия Андреевна, надо выразиться более обтекаемо. И уберите, пожалуйста, фамилии. Не надо, ни к чему!»

Стыд и позор.

Мой новый босс балансирует на проволоке, натянутой между двумя небоскрёбами. Он высоко забрался и очень боится упасть. У него в груди дрожит тушканчик, задевая пушистыми боками рёбра, сердце, желудок...

Зазывая меня в штат, шеф явно помнил о том, как ловко я умею приукрасить действительность. В рекламе без этого таланта не обойтись. Когда пишешь статьи, щедро оплаченные клиентами, естественно, акцентируешь внимание только на достоинствах продукта/предприятия/личности. Очевидно, шеф планировал выгодно использовать мои навыки. Но я-то, устраиваясь в «Уральскую звезду», ставила перед собой противоположную задачу – реализовать гражданскую позицию, яростно высказываясь по всем волнующим меня вопросам. Кто-то с возрастом обрастает бронёй цинизма, а у кого-то, наоборот, истончается кожа и любая несправедливость больно ранит... Таким образом, обнаружилось полное несовпадение наших с боссом векторов: меня влекло на баррикады социальных боёв, а он желал, чтобы я, как и прежде, писала на заказ, ненавязчиво формируя блистательный имидж владельца газеты.

К чёрту!

Февраль был безумным: автокатастрофа, похороны, депрессия... Но всё-таки я кое-что успела.

1. Организовала ремонт детского дома, где штукатурка сыпалась с потолка прямо в детские кровати. Попутно загубила карьеру депутата, в чьём округе находилось ветхое здание, а также довела до инфаркта главу района. Статные и холёные мужчины, разъезжающие на дорогих джипах, могли бы и сами озаботиться этой проблемой, а не ждать, пока их ткнут физиономией в вопиющее безобразие.

2. Помогла установить светофор рядом с восемьдесят девятой школой. Родители школьников прислали в редакцию трагическое письмо о том, как трудно их детям пересекать загруженную транспортом дорогу по «зебре», игнорируемой большинством водителей, как стоят они, бедняжки, по десять минут на обочине...

3. Выгрызла у чиновников зубами, как ротвейлер, право поставить в очередь на жильё ветерана войны... О, это была эпопея покруче «Звёздных войн». Восьмидесятивосьмилетнему Иннокентию Михайловичу отказывали по тысяче надуманных причин: неправильно

оформлена справка, не хватает документов, не являетесь малоимущим, не нуждаетесь в дополнительной жилплощади... И т. д.

Как странно! Президент день за днём обнадёживает с телеэкрана – будет сделано то-то и то-то. И жизнь вот-вот наладится... Но ничего не происходит. У нас же вертикаль власти, и обещания, прозвучавшие где-то в заоблачной дали, почти в стратосфере, долетают до земли неясным эхом. Исполнителям государственных указов даже не ясно: то ли действительно был звон, то ли померещилось... До Москвы – сто тысяч световых лет, это другая галактика. А у местных бюрократов существуют миллионы отговорок. В результате ветеран войны не только до сих пор не получил от благодарного государства квартиру – ему даже никак не удавалось хотя бы встать в очередь.

Всё, поставили.

Теперь будем сражаться за реальные, а не мифические квадратные метры жилплощади. Иннокентий Михайлович – уже не мальчик. Доживёт ли до получения квартиры?

4. Организовала денежный транш для школы № 32: на выделенные средства они отремонтировали крышу, оборудовали химическую лабораторию и отправили на международную олимпиаду двух юных Менделеевых...

Тихо собой горжусь.

– Лавры принцессы Дианы не дают покоя? Мечтаешь стать народной любимицей? – морщила нос ведущая рубрики «Садовый участок», грузная тётенька, обитающая в редакции ещё со времён битвы при Дарданеллах.

О чём ей беспокоиться? Её колонка – абсолютный хит. Дачники зачитываются поэмами о правильной высадке сидератов и безотвальной вспашке и заваливают Викторию Анатольевну восторженными или озабоченными посланиями.

Куда мне!

Хотя нет, на моём столе в кабинете тоже высится стопка писем. Народ по-прежнему верит в силу печатного слова и ждёт от газеты защиты и содействия. А времена давно изменились. Когда я только начинала карьеру журналиста, чиновники покрывались испариной, увидев свою фамилию в разгромной статье. Сейчас их гораздо труднее пронять...

Трудно, но можно.

Я подумала о принцессе Диане, упомянутой Садовым Участком. Она многим помогала, ездила в Африку, открывала больницы и школы. Но в какой-то момент ощутила, сколь непомерна подобная ноша. И призналась об этом в одном из интервью.

Когда у тебя что-то получается хорошо, люди ждут продолжения. Но самое главное – ты и сам начинаешь от себя требовать. Снижение оборотов расценивается как неудача. Я извела бездну нервов и времени, пристраивая в очередь на жильё одного-единственного старика. А ветеранов, так и не получивших обещанных квартир, тысячи! Кто им поможет? Мои усилия – капля в море.

И всё равно...

...Ой, я совершенно забыла о главном редакторе!

Он что-то говорит.

– А вы, Юлия Андреевна, могли бы разработать эту занимательную тему.

Какую?!

Я прослушала!

– Вы считаете, она мне по плечу? – уклончиво поинтересовалась я, пытаюсь догадаться, о чём шла речь.

– Но ведь именно вы раскручивали кофейни «Золото» и «Шоколад».

Здрасьте.

А кофейни тут при чём?

– Организовали блестящую рекламную компанию, – настаивал шеф.

– Спасибо. Да, это было. Но сейчас я уже не занимаюсь рекламой.

Главный редактор демонстративно вздохнул. Он бы предпочёл, чтоб моё увлечение рекламным делом не угасало никогда. «Уральская звезда» публиковала бы роскошные имиджевые статьи о нужных людях. Но это – мечты босса. Его замысел не удался. Пригласив меня в газету, он самолично вонзил себе огромную занозу в задницу. Теперь его телефон раздражают звонки: «Зачем ты прислал эту стерву Бронникову?! Куда она лезет?! Она уже всех достала!»

Я так и не поняла, почему главный вспомнил про кофейни?

– Если не ошибаюсь, вы были близкой подругой той дамы... Её звали... м-м... Нонна Кратова. Я прав?

– Да.

Милая Нонночка.

При упоминании о моей бедной подруге настроение сразу испортилось. Кошмар прошедшего месяца навалился на плечи, вдавил меня в кресло.

– Да, – уныло повторила я. – И что?

– Нонна Кратова управляла «Золотом» и «Шоколадом».

– Угу. И?

Шеф замаялся. Ничего не говорил, тянул время, многозначительно посматривая в мою сторону.

– Юлия Андреевна! А вы бы взяли да и прозондировали почву! – вдруг с деланной живостью сообщил он.

– На тему чего? – тупо промычала я.

– Ах, ну я же объяснил! – раздражённо произнёс главный.

– Извините, не совсем поняла.

В глазах главного редактора – досада и удивление. Когда читаешь мои статьи, складывается обманчивое впечатление, что они написаны невероятно умным человеком. На самом деле я – непроходимая тупица. Шеф это понял прямо сейчас.

– А что вы объяснили? – я недоумённо и наивно моргнула.

Нет, правда! Серьёзное объяснение не проскочило бы мимо моих ушей. Хоть что-нибудь обязательно бы уловила. Раз не уловила – значит, главный на самом деле не говорил ничего конкретного. Так, намекнул, закинул наживку. И понадеялся на мою догадливость.

– Юлия Андреевна... Ну как же! Неужели вы не в курсе? Ходят слухи, что всплыли серьёзные документы, способные подпортить репутацию самому Богдану Гынде, хорошо вам конечно же знакомому.

– С чего вы взяли?

– Пробил по своим каналам. Компромат на Богдана Гынду безусловно существует.

– Я в этом не сомневаюсь. Конечно, он есть – компромат на Гынду. Учитывая масштабы деятельности этого господина и методы его работы. Но с чего вы взяли, что я хорошо знакома с Гындой?

– Позвольте-позвольте, Юлия Андреевна! – засуетился шеф. – Вы целый год подвизались у него пиар-специалистом. Рекламировали две его кофейни. Более того, дружили с Нонной Кратовой, управлявшей этими заведениями. А она, в свою очередь, являлась правой рукой Богдана. Его преданной помощницей.

Какой бред!

– Босс, вы заблуждаетесь, – мягко возразила я.

По лицу главного пробежала мгновенная судорога удовольствия – американское «босс» вместо привычного обращения по имени-отчеству явно ему по душе. Он тут же расправил плечи, встряхнул львиной гривой.

Как ребёнок, честное слово!

– Моя подруга Нонна никогда не являлась преданной помощницей Богдана Гынды. А я вовсе не работала у него пиарщиком. В штате не состояла, зарплату не получала. Кофейни рекламировала на общественных началах. Просто чтобы помочь подруге. А самого Гынду видела в основном по телевизору. Живьём – всего пару раз.

Брррр!

Больше и не надо.

– Значит, вы не хотите заняться расследованием?

– Каким?

– Юлия Андреевна! – возопил главный. – Хватит тормозить!

– Так. Вы хотите поручить мне поиски документов, являющихся компроматом на Богдана Гынду. И мы их опубликуем. Правильно я вас поняла?

– Воспользуйтесь старыми связями, пообщайтесь с людьми, – кивнул главный. Он наконец-то удовлетворён: с пятой попытки, но я всё же уловила смысл его туманных намёков.

Неужели шеф решил сразиться с Богданом Гындой, всемогущим и грозным членом Законодательного собрания области, а попутно – владельцем половины города? Неужели босс проглотил сыворотку смелости? И теперь он будет не только выглядеть, но и действовать, как лев?

Удивительно!

– Bravo, шеф! – зааплодировала я. – Очень смелая идея!

– Угу-м...

– Но только без меня.

– Почему?!

– Я боюсь.

– Чего?!

– Боюсь связываться с Гындой, – бесхитростно призналась я.

Главный редактор явно был ошарашен.

– Юлия Андреевна... – пробормотал он. – Но как же... Я полагал, вы смелая девушка. И настоящий принципиальный журналист.

– Спасибо. Но Гында любого оппонента раздавит, словно букашку. А меня и подавно. Даже не заметит, как что-то слабо хрустнет под каблуком его сверкающего английского ботинка... Гында – чересчур монументальная фигура. Зачем ввязываться в битву, заранее обречённую на провал? Не хочу приносить себя в жертву. Лучше буду и дальше потихоньку заниматься маленькими, но полезными делами – устанавливать светофоры, пристраивать ветеранов в очередь на квартиру, добывать деньги на школьные лаборатории... А копать пластмассовой лопаткой яму для отлова мамонта – слишком сложная задача. Она мне не по зубам.

– Я сильно разочарован, Юлия Андреевна... Ведь именно ваша дружба с Нонной Кратовой... Вы целый год находились в непосредственной близости к Богдану Гынде... Вы столько всего знаете... А могли бы узнать ещё больше... А?

– Нет, даже не уговаривайте. Я боюсь. Хватит мне проблем и несчастий!

Главный умолк в полной растерянности. Моя честность сразила его наповал. Стоило лишь признаться, что я умираю от страха при одном упоминании имени Богдана Гынды, и слова застряли у шефа в горле, а все аргументы иссякли.

Наверное, он втайне мне завидует. Я – пятидесятикилограммовая пигалица, тощий заморыш (как говорила Нонна), и поэтому могу откровенно заявлять о своих страхах. Это никого не удивит, более того, у многих появится желание встать на мою защиту. А вот если наш главный редактор распишется в глобальной трусости – это будет бомба!

Думаю, если взвесить наш страх, мой будет весить как пёрышко, а его – как железная булава.

Кофейня «Шоколад», где всего месяц назад ещё командовала моя подруга Нонна Кратова, находится на проспекте Metallургов – в двух шагах от редакции газеты. Короткими перебежками, как диверсант, я преодолела путь, а мороз вонзает в мои щёки миллионы ледяных иголок и мгновенно пробирается под пуховик.

Внутри кофейни царит волшебное тепло, пахло шоколадом и ванилью. Бариста Вадим печально кивнул из-за стойки. В последнее время многие знакомые провожают меня сочувственными взглядами.

В углу я заметила коллегу, Фёдора Полыхаева. Фёдор – фрилансер, поставляющий различным изданиям материалы, острые, как перчик чили. Меня он недавно снабдил информацией о том, какие хитроумные способы используют местные чиновники, добывая себе квартиры за государственный счёт. Эти сведения потребовались мне для написания статьи о жилье для ветеранов. Правда, потом главный редактор сократил самые интригующие абзацы.

Федя, в точном соответствии со своей фамилией, полыхает, он готов сиять всегда и везде. У него нет семьи, он волк-одиночка. Его страсть и мания – вскрывать язвы общества. Раньше такие взрывоопасные журналисты являлись бессребрениками, но сейчас Фёдор получает за статьи огромные гонорары – его материалы увеличивают тираж. Деньги не сильно волнуют Фёдора, однако и борцом за идею его тоже не назовёшь. В Федине желание выставить у позорного столба всех казнокрадов и мздоимцев ощущается какой-то спортивный азарт. Мой коллега словно участвует в бесконечной гонке и никак не может остановиться. Тщеславие и жажда адреналина заставляют его рисковать жизнью, раскапывая дела, где замешаны сильные мира сего. Часто после публикации очередной статьи, упоминающей громкие имена, возбуждается уголовное дело. Наверное, в эти моменты Фёдор чувствует себя всемогущим.

Он, безусловно, сразу ухватился бы за идею подпортить репутацию Богдану Гынде!

– А, Юлька, привет. Падай сюда. Чего несёшь?

– Взяла нам два эспresso и круассаны.

– Знаешь, я уже писаю кофею, – интимно признался Фёдор. – И эякулирую им же.

– Упс. Надо же. Круто, – смущённо пробормотала я, быстро соображая, должна ли приличная барышня отвечать откровенностью на откровенность? Иными словами, обязана ли я поведать кавалеру парочку занимательных фактов о собственной физиологии? Федя даже не представляет, насколько у нас, девочек, всё интересно устроено!

Уж лучше я промолчу...

У Фёдора борода и эффектный свитер, поэтому он похож на геолога, а в просветлённые моменты дотягивает и до образа Хемингуэя.

Он отодвинул в сторону ноутбук, а официантка, невесомой бабочкой припорхнувшая к столику, унесла три пустые чашки. Я в двух словах рассказала коллеге о внезапном приступе храбрости у главного редактора «Уральской звезды».

– Но это легко объяснить, – хмыкнул Федя.

– Правда? А я, честно говоря, в недоумении.

– Девочка моя, раскинь мозгами. Они же у тебя есть, насколько я знаю.

– Спасибо, Федя, за комплимент. Но в прошлом месяце судьба мне здорово заехала кувалдой по голове. Поэтому мои мозги временно в анабиозе. Предпочла бы услышать готовое объяснение.

– Ладно, крошка, я тебе разжую. Газета «Уральская звезда» – акционерное общество.

– Я в курсе.

– А кому принадлежит большая часть акций?

– Сам скажи.

– Вице-губернатору!

Вот, открыл Америку.

– Да знаю об этом, Федя, знаю, – нетерпеливо воскликнула я. – В том-то и дело! Вице-губернатор и Богдан Гында – друзья. Почему же мой шеф решил наброситься на барского друга?

– Та-да-а-ам! Сюрприз! Вице-губернатор и Гында больше не друзья! – торжествующе заявил Фёдор. – Они дружили до недавнего времени, а месяц назад между ними кошка пробежала.

– Ах, вот оно что! Ну, тогда всё ясно. И что мальчики не поделили?

– Несколько десятков гектаров на Ласковом озере. Гында начал строить там клубный отель, а у вице-губернатора, как выяснилось, были другие планы.

– Но там же заповедник!

– Там настоящий рай, – согласился Фёдор. – Удивительно, что до сих пор ещё никто не прибрал к рукам этот лакомый кусочек. Теперь вице-губернатор и член Законодательного собрания области – в контрах. Кто победит – получит земельные угодья на Ласковом. «Уральская звезда», само собой, будет формировать общественное мнение в поддержку справедливой борьбы вице-губернатора. Сейчас ваша газета поднимет вой: «Не дадим разорить заповедник! Гында – go out!»

– Go out? – оживилась я. – А как переводится? Постой, запишу, я тут делаю английские карточки. Итак, go out. Уходи прочь?

– Скорее, иди на... – уточнил Фёдор.

– Э-э... Ясно. У тебя хорошее произношение.

– Безусловно.

– Значит, вице-губернатор и Гында столкнулись лбами. Фигуры по масштабу равноценные. Интересно, кто победит. Хотя какая разница? Озеро Ласковое в любом случае будет оприходовано. И построят там вовсе не федеральный санаторий для детей с ДЦП. Спасибо, Фёдор, что прояснил ситуацию.

– А ты, Юлька, мне тоже кое-что объясни.

– Да?

– Ты столько лет занималась рекламой. Денежки мешками домой носила. И вдруг подалась в газету на скромный оклад, начала сражаться за справедливость. Почему такой вираж? Что произошло?

– Ничего особенного. «Удачные покупки» закрылись. Нашла другую работу. В «Уральской звезде».

– Не сомневаюсь, у тебя были предложения и повыгоднее.

– Наверное, вспомнила, что я журналист. Теперь возглавляю отдел социальных проблем. А раз так – сам Бог велел восстанавливать социальную справедливость. В меру моих сил.

– Понятно. Исповедуешь принцип: любое дело, за которое взялся, надо делать на пять с плюсом?

– Да. Хороший принцип. Разве нет? И потом, Фёдор... Мне уже не двадцать. В какой-то момент я задумалась о том, что имею в результате. Подшивку красиво написанных рекламных статей? Да, это тоже творчество, но его не положишь на чашу весов, оценивая жизнь. Из этого не сделаешь книгу, этим не похвастаешься перед детьми.

– Хм, а ты привыкла взвешивать и оценивать каждый свой шаг? Серьёзная девушка. А я вот просто живу, – Федя расправил богатырские плечи, сладко потянулся и кивнул офи-

циантке, чтобы принесла ещё эспрессо. – Жду весны. Конь застоялся в стойле. Скорей бы уж асфальт увидеть...

Я догадалась, он говорит о своём обожаемом мотоцикле. Тоска Фёдора была мне понятна. Жестокие погодные условия лишили его возможности перемещаться в пространстве излюбленным способом – верхом на роскошной сверкающей «ямахе», рычащей, как сотня разъярённых львиц. Не знаю, как бы я выжила, останься вдруг без машины...

– Значит, по словам твоего шефа, существует некий компромат, способный низвергнуть Богдана Гынду с его пьедестала? – задумчиво пробормотал Фёдор, сменив тему.

– Всем известно: Гында – великий махинатор. Он прибрал к рукам не одно предприятие.

– И, карабкаясь на Олимп, закатал в асфальт не один труп, – усмехнулся Фёдор.

– Но вслух об этом никто не говорит.

– Очевидно, твой главный редактор – экий храбрец! – решил громко заявить об этом. Но Юлия! Ты же была как-то связана с Гындой? Пиарила его кофейни, – вспомнил коллега. – Вот эту, «Шоколад». А ещё... «Золото», точно, «Золото»!

Проклятье!

Мне теперь вовек не отмыться?

– Я на Гынду не работала. Помогла подруге, управляющей кофейнями, с рекламой. А Гында тут вовсе ни при чём. Мне он до лампочки.

– Жаль. Я надеялся, у тебя сохранились контакты. Было бы классно заполучить компромат на этого саблезубого тигра. Смотри, если что, сразу мне телеграфируй и документы из рук не выпускай.

– Вот ещё! Даже и не прикоснись!

– Ты серьёзно?

– Мне жизнь дорога!

– А уж я бы использовал провокационные документки на полную катушку, – мечтательно произнёс Федя. – Устроил бы монреальский фестиваль фейерверков – искры сыпались бы из глаз и у Гынды, и у публики.

– Ты крупный, смелый мужчина. С бородой. Эякулирующий стопроцентной арабикой. Не каждому такое по плечу, – кротко напомнила я.

Фёдор самодовольно улыбнулся.

– Ты тоже девица не промах, – вернул он комплимент. – Какую свистопляску устроила из-за ветеранской квартиры! И с детским домом тоже постаралась... Ладно, не хочешь участвовать в крестовом походе против Гынды, и не надо. Пробью по своим каналам, какие занимательные факты из его биографии вдруг всплыли на поверхность. Надеюсь, удастся что-то ухватить...

Глава 3

Опутанные социальной сетью

– Привет, малыш, ну как ты?

Дорожная сумка упала на пол, а я, наоборот, взметнулась вверх – Никита приподнял меня, обхватив руками за талию. Наши глаза оказались на одном уровне, губы тоже. Каждый раз, вернувшись из поездки и одарив на пороге первыми поцелуями, любимый долго не выпускает меня из объятий, взвешивая на руках и прикидывая, не растеряла ли я последние килограммы. Учитывая, что командировки у Никиты случаются гораздо чаще, чем у меня обед, мои скромные жировые запасы постоянно под угрозой. Но как приятно ощущать себя невесомой пушинкой, болтаясь на крепкой шее любимого! Если б я весила центнер, фокус бы не удался.

Никита – директор по развитию в компании «Юния-Транс», занимающейся грузоперевозками. Её владелец опьянён идеей экспансии, поэтому сейчас фирма открывает филиал в Белоруси. Как результат – Никита постоянно исчезает из моего поля зрения. В разлуке, конечно, трудно, однако расставания будоражат чувства, усиливают их.

В январе мы отметили пять лет знакомства. Наша совместная история изобилует различными событиями, её никак не назовёшь унылой и однообразной. Мы пережили вместе и грозы, и безоблачный штиль, терпели поражения и выигрывали. Порой брели по раскалённой пустыне, чтобы достичь чудесного оазиса, заглядывали друг другу в глаза, сомневаясь и не находя верного ответа, плавилась в мартеновской печи ревности, преодолевали бездонные пропасти... Я надеюсь, всё так и будет продолжаться, а долгожданный ребёнок распишет наш союз новыми красками. И когда-нибудь мы даже зафиксируем наши отношения штампом в паспорте...

– Что-то замотался, – сказал Никита.

– Мы практически не видимся, – вздохнула я.

– Вот новое хокку:

«Над просторами полей,
Ничем к земле не привязан,
Жаворонок звенит»².

– Сейчас, в разгар мартовских морозов, мне трудно его оценить, – пожала я плечами. – Оно слишком летнее... Но постой! Почему ты обратил на него внимание? Неужели забегался до такой степени, что стал завидовать беззаботному жаворонку, у которого никаких проблем, долгов и обязательств?

– Нет. Это хорошо, когда дел по горло, правда? – Никита выразительно посмотрел на меня.

Я знаю, что он имеет в виду: прежде, чем получить хорошее место в «Юния-Трансе», Никита прошёл суровое испытание безработицей. Воспоминания о том периоде леденят не только мою кровь, но и его тоже...

– «Туман и осенний дождь.

Но пусть невидима Фудзи.

Как радуется сердце она!» —

² Здесь и далее использованы хокку Мацуо Басё (пер. В. Марковой).

продекламировал Никита, вновь прижимая меня к себе. – Ужасно соскучился! В Минске о тебе вспоминал, и каждый раз словно окатывало тёплой волной.

Я – Фудзияма!

Единственная и бесподобная!

Как лестно!

У любимого – всплеск интереса к японской поэзии. Со своим Мацуо Басё он носит уже третий месяц, буквально влюбился в него. Но я только за! Это очень тихое увлечение. В конце прошлого декабря Никиту заклинило на Доницетти. Я чуть не сошла с ума. Он подкрадывался ко мне сзади и задумчиво шептал: «Нет, ну согласись, это просто бесподобно!» и в сотый раз начинал голосить арию из «Лукреции Борджа». Мой юноша шикарно и разносторонне образован, в отличие от меня. Я питаюсь крошками со стола его интеллектуальности.

– Кстати, как продвигается твоя учёба? – тут же спросил Никита, демонстрируя синхронность нашего мышления.

Он сразу же огорошил меня бесконечной английской тирадой. Судя по интонации, фраза – вопросительная. Только вопросительный знак в конце предложения я и могу разобрать, остальное – сплошное месиво непонятных звуков. Но как-то неудобно признаваться Никите, что за два с половиной месяца учёбы я всё ещё ковыряюсь на таможенном контроле, вместо того чтобы продвинуться в глубь страны.

Нет, лучше обойти стороной тему моих английских мучений.

– Между прочим, мы пропустили Восьмое марта! – обиженно напомнила я Никите, исследуя носом и губами его лицо и шею, вдыхая густую смесь запахов: одеколона, аэропорта, сигаретного дыма, машины...

Международный женский день уже в прошлом. Меня оставили без цветов, подарка и романтического ужина, так как милый в тот момент напряжённо развивал филиальную сеть компании «Юния-Транс» за пару тысяч километров от нашего города.

Обидно!

Нет, я не из тех несчастных барышень, что цепляются к праздничной дате, пытаюсь в один день состричь все купоны, причитающиеся им как представительницам слабого пола. Мне и в будни хватает мужского внимания... Но февраль выдался настолько тяжёлым, что я стремлюсь использовать любую, пусть даже формальную возможность улучшить себе настроение.

– Отметим сегодня! – тут же предложил Никита. – Сейчас нырну под душ, переоденусь и начнём праздновать.

Вечер провели в ресторане. На столе трепетал огонёк свечи, тихо играл саксофон, а мы с Никитой делились рассказами о трудовых буднях. У него хватало проблем с минским филиалом, а я, как обычно, нашла себе новую заботу.

В данный момент у меня на балансе пятеро бесхозных малюток, обнаруженных в городской больнице. Брошенных детей поместили на карантин перед отправкой в Дом ребёнка. Теперь больница никак не может расстаться с малышами из-за сложностей с документами. Неизвестно, как долго ещё пробудут дети в больничной палате. Они словно и не существуют. Ни памперсов, ни питания, ни распашонок для детей отделение не получает, о малышах некому заботиться, медперсонал занимается ими постольку-поскольку...

Несчастных детёнышей обнаружила моя соседка Ева, когда в январе попала с маленьким сыном в больницу. Сначала Ева была потрясена тишиной, царящей в боксе. Трое младенцев безмолвно лежали в кюветках, хотя и не спали. Казалось, этих детей от рождения снабдили опцией «выключение звука». Два ребёнка постарше сидели в кроватках, уставившись в одну точку. Они были привязаны к прутьям пелёнками, чтобы не выбрались... В

соседних боксах горланили, кряхтели карапузы, над ними ворковали мамыши. А тут царило загадочное молчание.

– Ты себе представляешь? – потрясённо сообщила Ева по телефону, когда звонила из больницы. – Наверное, понимают, сколько ни кричи – никто к ним не подойдёт.

Жуткие вопли Ева слышала позже, когда малышей мыли в раковине ледяной водой – в отделении не было горячей.

– Как страшно смотреть в глаза ребёнка, который никому не нужен, – призналась Ева. – Сердце разрывается. Больше я в тот бокс уже не заходила...

Вот этим вопросом я сейчас и занимаюсь. Ежедневно общаюсь с различными чиновниками, пытаюсь приблизить момент отправки малышей в Дом ребёнка. Там им однозначно будет лучше.

Потому что хуже не бывает.

Если разобраться – всё просто: надо забрать из больницы пятерых здоровых младенцев и пристроить их в более подходящее учреждение. На деле – необходимо согласование сотни инстанций, и никто не хочет брать на себя ответственность. Всё именно так, как обычно у нас и бывает. Я хожу по кабинетам, названиваю по разным телефонным номерам. Для бюрократов я – назойливая муха. У всех на лице плохо замаскированное желание выставить меня за дверь, а часто чиновники и вовсе сбегают, прикрываясь неотложным делом.

Надеюсь, до конца марта всё-таки удастся перевести малышей в Дом ребёнка. Я обязательно решу этот вопрос, пусть даже придётся смириться с ярлыком склочницы – его ко мне уже приклеили. Конечно, чиновникам удобнее приписать журналисту склонность к скандалам, чем признаться в собственной нерасторопности...

Мой рассказ о брошенных детях звучал странно в интерьере роскошного ресторана. Вокруг мерцали свечи, на столах стояли блюда с изысканной едой и бокалы с дорогим вином, бесшумно курсировали официанты, дамы демонстрировали бриллианты и голые спины...

Неужели где-то моют младенцев холодной водой в ржавой раковине и привязывают их пелёнками к кроватям?

Но это правда.

Более того, несомненно, где-то творятся и более ужасные вещи...

– Я могу чем-то помочь? – спросил Никита.

– Ты уже помог, – призналась я. – Помнишь, ты оставил деньги для оплаты нашего кредита?

– Конечно. И что?

– Истратила не по назначению! – покаянно вздохнула я. – Купила памперсы, молочную смесь, погремушки и так далее. Отвезла в больницу. Но ты не думай, я не одна такая сердобольная дура! Ева купила памперсы, Женя, Света, Таня... В редакции я тоже клич кинула. Все, кому я об этом рассказываю, стараются помочь.

– Ты всё делаешь правильно, – сказал Никита. – Ты ангел. Кредит я завтра сам оплачу.

Моя свекровь – уникальная женщина с неоспоримыми достоинствами. На её фоне я выгляжу засохшим кустиком рядом с раскидистой цветущей яблоней.

Во-первых, Ланочка вырастила отличного сына – а у меня всё ещё нет детей. Во-вторых, она ярко и стильно одевается, у неё тонкий вкус. Мой гардероб невыразителен и сугубо утилитарен. В-третьих, Никитина мама неплохо говорит на двух иностранных языках. Я несколько месяцев сражаюсь с английским, но до сих пор не способна составить фразу более чем из трёх слов. В-четвёртых, даже в умении налаживать контакты Лана Александровна обогнала меня, журналиста!

В прошлом году она познакомилась в социальной сети с англичанкой Дэйзи, и у них завязалась дружба. Благодаря этому факту уже целый месяц я могу наслаждаться достоин-

ствами Ланочки с приличного расстояния. Свекровь второй раз за полгода укатила в Лондон и окопалась там прочнее, чем это делают беглые олигархи и чеченские боевики. Не знаю, как она справляется в Лондоне без прислуги, личного шофёра и секретаря (в родном городе все эти роли исполняла я), но по телефону её голос звучит бодро. Мне поручено поливать пальмы в квартире Ланочки и бороться с пылью (то есть я теперь королевский садовник и уборщица).

Но это уже мелочи.

По примеру свекрови я тоже с готовностью общаюсь в социальных сетях и завела интернет-подруг во всех уголках планеты. Sunny живёт в Санта-Барбаре, Ludmilla76 – в Мельбурне, Strekoza – в Лиссабоне. Из блогов девушек я узнаю мельчайшие подробности их жизни. Порой даже странно – мне трудно подняться на два этажа вверх, чтобы выпить чаю с соседкой Евой и поинтересоваться, как у неё дела, зато легко дотянуться до другого континента и посочувствовать Людмиле – она сменила Магадан на Мельбурн и всё никак не акклиматизируется, да ещё и с мужем проблемы...

Отдельным пунктом идёт Veronika101 – тридцатипятилетняя русская жительница Праги. Наше электронное общение лишено поверхностности, свойственной интернет-коммуникациям. Каждую ночь, закончив статью, я сочиняю письмо для Вероники, словно никак не могу оторваться от этого волшебного занятия – нанизывать слова, как бусины, на ожерелья фраз... И сразу получаю ответ. Сообщения Вероники радуют проникновенностью и грамотностью, её посты не изувечены влиянием интернет-сленга. Мы – друзья по переписке в чистом виде: никакого скайпа, никаких веб-камер.

Я даже не знаю, как она выглядит!

Вероника обещала осчастливить – прислать фото. Забавно: я осведомлена об интимных подробностях её существования, но не представляю, какая у неё причёска! Обычное дело для интернет-друзей – общаться, видя перед собой лишь аватар. Так гораздо интереснее, прекрасная возможность потренировать воображение. Иногда возникающий в голове образ и оригинал не имеют ничего общего.

С чешской подругой мы запланировали встретиться в июне, когда у меня будет отпуск. Не одной же Ланочке путешествовать по заграницам!

Муж Вероники владеет рестораном и гостиницей. Тема общепита мне близка, если учесть, сколько сил я вложила в кофейни «Золото» и «Шоколад», когда помогала моей милой Нонне ими руководить. Поэтому зачастую мне трудно отказать себе в удовольствии дать Веронике парочку суперпрофессиональных советов по части её семейного бизнеса. Подруга хорошо меня понимает, мы мыслим в одной тональности. Общение с ней помогает заглушить тоску, навалившуюся после февральской трагедии.

Мы всё время что-то теряем.

Но и получаем что-то взамен...

Ночь для меня – самая активная и производительная часть суток. Часа в три я обычно бодро стучу по клавиатуре, сочиняя статью и попутно заливая в себя литры кофе.

Вот и сегодня. Сначала я провела приятный вечер в компании Никиты в ресторане «Виконт». Затем мы в полубессознательном состоянии отправились домой – хрустели снежком, пробираясь по сугробам. В ночном свете фонарей снежинки искрились, словно россыпь бриллиантов, а когда на них падали наши фиолетовые тени, начинали сумрачно мерцать, как чёрный жемчуг...

Дома мы продолжили раздражение всевозможных рецепторов в надежде получить дополнительное удовольствие. Почему-то всегда хочется продлить наслаждение. Нам это с блеском удалось. В два ночи муж впал в анабиоз, а я ощутила небывалый прилив творческой энергии. Поэтому отправилась на кухню варить кофе и сочинять материал – но не для

«Уральской звезды». Помимо всего прочего, я – бесперебойный поставщик контента для двух дамских интернет-ресурсов.

Что бы я делала без «мировой паутины»?

Это мой дополнительный доход. Платят немного, авторство, естественно, не сохраняется, но и проблем никаких – не работа, а развлечение. Пишу на вечные темы – еда, целлюлит, дети. Полчаса – и статья готова; всё равно что потрепаться по телефону с приятельницей. Не сравнить с моей работой в газете. Там – сплошные нервы, и за каждое написанное слово я отвечаю головой.

Кроме того, подрабатываю ещё и в информационном агентстве, каждый день сбрасываю им две – четыре новости. Учítывая, как плотно заполнены мои будни встречами с людьми, сочинить парочку информационных заметок – не проблема. Главное, услышать в рассказе собеседника то, что потянет на полноценную новость.

Предпочитаю улавливать положительное. О происшествиях из серии «Ужасы нашего города» («трёхлетняя девочка упала с восьмого этажа!»); «маршрутное такси врезалось в бензовоз»; «обрушился балкон дома на улице такой-то!») я не пишу. О них и так непременно прокричат все местные информагентства, а вечером о том же сообщат и в теленовостях. Гораздо приятнее искать и находить в нашей повседневности факты, вселяющие оптимизм и надежду. Хотя, конечно, добрая новость, в отличие от леденящей кровь, никогда не потянет на сенсацию. Ну и ладно...

Я смотрю на экран ноутбука. Два крошечных текста для дамских интернет-журналов закончены, надо браться за более серьёзный материал.

Необходимо написать статью о разводах. Как понять, когда уже пора расстаться, а когда ещё можно потерпеть? Как подготовить детей? Как не озлобиться и остаться друзьями? И так далее. В выборе темы – не отголоски личных проблем, а настойчивое требование главного редактора «Стильной Леди». Глянцевому журналу, в котором я давно работаю внештатно, вдруг понадобилась именно такая статья. После задушевного ресторанного ужина и бурного секса мне в самый раз писать о психологических проблемах супругов, вплотную приблизившихся к границе отношений.

Неужели люди разводятся?

Не могу поверить!

И зачем им это?

Моя личная жизнь на данном этапе – огненный ураган с вкраплениями душистой амброзии. Мы с Никитой сейчас очень близки. Складывается ощущение, что все разногласия и недоразумения остались позади...

Но я постараюсь написать хорошую статью и не сильно навредить читателям своими полезными советами. Мне лестно, что «Стильная Леди» заказала материал мне, а не профессиональному психологу. Хотя в принципе какая разница? Читательницам, которые для решения глубоких личностных проблем обращаются за помощью к глянцевому журналу, навредить уже нельзя, им можно только посочувствовать. И потом, даже если бы статья была подписана «З. Фрейд» или «К. Юнг», думаю, читательницам она принесла бы гораздо меньше пользы, чем написанная мной. Я, по крайней мере, пишу увлекательно и использую понятные выражения...

Половина пятого утра. Черновик статьи готов, днём доработаю. Сердце бухает где-то в горле – вероятно, шестой бокал кофе был лишним... Пора идти спать, так как в семь часов мой рыцарьотреагирует на звонок будильника и начнёт грациозно выбираться из кровати, попутно осыпая меня поцелуями и отдавливая мои конечности и внутренние органы.

Глава 4

Вопросы мотивации

Неделя с Никитой пролетела молниеносно. Мы виделись только после работы, стараясь использовать каждое мгновение для блага души и тела. И вот он снова отправился в командировку – ещё более длительную...

Когда Никите удалось устроиться в компанию «Юния-Транс», я ликовала. Ведь радостному событию предшествовали долгие месяцы безработицы и безденежья. Наконец-то свершилось: после бесчисленных собеседований и отказов, после депрессии Никита получил заслуженное – теперь и должность, и зарплата соответствовали его знаниям и опыту.

А сейчас я опять недовольна! Как трудно мне угодить! Любимый постоянно в отъезде. Ему это, конечно, нравится, он в своей стихии: путешествует, развивает бизнес, ощущает себя значимым и необходимым.

Но я-то скучаю!

Нет, жаловаться нельзя. Вдруг звёзды прислушаются к моим стенаниям и – бац! – «Юния-Транс» разорится, а Никита вновь останется без работы.

Только не это!

Я снова в одиночестве и обречена до следующей встречи с любимым жить воспоминаниями о волшебной неделе. Удачная шутка, жаркое объятие, восторг прикосновений... Разве ценила бы я всё это так высоко, разве стала бы мелочно перебирать в памяти каждый миг близости (словно венецианский ростовщик Шейлок – золотые дукаты), если б не было расставаний? Поэтому не буду ныть и жалеть себя. Любая командировка заканчивается. Мы скоро опять встретимся...

К тому же мой день под завязку забит делами и скучать не приходится.

Утром заскочила в редакцию «Стильной Леди», отдала новенький материал. Нет, не про разводы. Ту статью я вручила главному редактору ещё три дня назад, и Марина Аркадьевна осталась довольна. Вообще-то текст проще переслать по электронной почте, но файл так молниеносно улетает, словно его и не было. А когда отдаёшь распечатку, гораздо явственней ощущаешь, какой труд проделан. Надеюсь, Марина Аркадьевна это тоже понимает.

Сегодня завезла следующий материал. На этот раз по просьбе Марины сделала интервью с хозяйкой модного салона красоты. «Стильная Леди» – глянцевый журнал, заполненный рекламой местных бутиков и светской хроникой. Разглядывая себя на фотографиях, сделанных репортёрами «Стильной Леди» на лакшери-тусовках, дамы городского бомонда вычисляют, не пора ли им колоть ботокс и армировать лицо золотыми нитями...

У хозяйки салона красоты день был расписан по минутам. С трудом втиснулась в её график. Когда-то давно точно так же я познакомилась с предпринимательницей Нонной Кратовой, взяв у неё интервью для журнала «Удачные покупки». В те времена Нонна владела и управляла большой сетью магазинов. За первой встречей последовала вторая, потом третья. Мы с Нонной оглянуться не успели, как прикипели друг к другу всей душой. Бизнес-леди превратилась в постоянного клиента «Удачных покупок» – размещала рекламные блоки, заказывала статью за статьёй, причём исключительно одному и тому же автору (Ю. Бронниковой). Мы стали близкими подругами, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте и огромную дистанцию в социальном положении...

Вспоминаю о том времени с грустью.

Нонну не вернёшь.

Её больше нет.

Сдав интервью с хозяйкой салона прямо в руки Марине Аркадьевне, я вынырнула из тёплой редакции, галопом доскакала до парковки, забилась в машину и тут же включила печку.

Какой жгучий мороз!

Метель успела наотмашь отхлестать по лицу колючим снегом. Хорошо, что не надо стоять на остановках в ожидании автобуса – я бы погибла. С печкой в «Жигулях» крупно повезло: она разогревается мгновенно, и салон наполняется горячим воздухом. Только вот добравшись до цели, не хочется выходить из машины...

После глянцевого журнала я навестила основное место работы – редакцию «Уральской звезды». Долго пряталась за углом, услышав в коридоре бас главного, – выжидала, когда он уберётся восвояси. Однако не рассчитала – выкатилась из-за угла прямо под ноги нашего храбреца!

Не повезло.

Пришлось здороваться, говорить дежурные фразы, отчитываться о проделанной работе. Шеф тут же ухватил меня под локоть и отбуксировал в свой кабинет, а там вольготно раскинулся в кресле, жестом указывая на место напротив.

Значит, это надолго.

Какая досада!

– Ну, как продвигается наше расследование? – поинтересовался главный, понизив голос. – Нет новостей? Я насчёт господина Гынды.

Мне даже не пришлось изображать удивление, настолько я была потрясена вопросом! Моя челюсть просто отвалилась от совершенно искреннего изумления! Я полагала, шеф давно забыл о приватной беседе с упоминанием могущественного члена ЗСО.

– Вы шутите? – возмутилась я. – Мы же закрыли тему!

– Да? Но я надеялся...

– Увольте! Где господин Гында и где я? Согласитесь, мы с ним несопоставимые величины. Он слишком высоко летает. Мне даже и пёрышка не поймать из его оперения – оно сгорит в верхних слоях атмосферы, не долетев до земли.

– Не прибедняйтесь, Юлия Андреевна. Крошечный, но энергичный термит способен уделать целый баобаб.

Минуты две я натужно соображала, расценивать ли сравнение с термитом как комплимент. Главный редактор, неверно интерпретировав возникшую паузу, приободрился и пошёл в наступление:

– И потом, Юлия Андреевна, разве это слова настоящего репортёра? У вас должны загораться глаза, когда речь заходит о журналистском расследовании! Займитесь сбором разведанных. Тряхните старые контакты. Где-то кто-то что-то слышал, кому-то что-то стало известно... Безусловно, я буду вас всячески поддерживать. На время можете отложить другие редакционные дела.

Вот ещё!

Почему это я должна откладывать другие дела? Меня гораздо больше волнует судьба больничных малюток, чем перспектива устроить уотергейтский скандал Богдану Гынде!

– Эта задача мне не по зубам, – фыркнула я. – Извините!

И отправилась к себе в кабинет.

Из письма, отправленного Веронике:

«...и ужасно возмущает, что некоторые люди любят загребать жар чужими руками. Мой главный этим славится! Предлагая ввязаться в крупную аферу, сам он ничем не рискует. У него серьёзное прикрытие в лице хозяина – вице-губернатора. Именно перед ним он и мечтает выслужиться,

завалив крупного зверя – Богдана Гынду (вернее, не завалив, а мелко куснув за волосатую ляжку!). А меня в случае чего отдадут на растерзание, заявив, что “журналистка Бронникова затеяла никому не нужное расследование самостоятельно”...»

SMS от Никиты:

«Сегод. провёл семь встреч. Джип оплатили?».

Да, насчёт джипа... Дело с выплатой страховки так и не сдвинулось с мёртвой точки! Я нанесла ещё два визита в «Атлант», потом превратилась в телефонного террориста. Егор Петров – олимпийский чемпион в дисциплине «уклончивые ответы». Он каждый раз предельно вежливо и мягко сообщает мне о том, что они всё ещё «собирают необходимые сведения» и «ждут ответ на запросы».

Три персональных встречи и полчаса телефонных диалогов с Егором привели к загадочному результату. Вместо того чтобы возненавидеть сотрудника страховой компании за устроенную канитель с документами, я, напротив, очарована им! Наведываясь в «Атлант» и выслушивая монологи Егора, я имела возможность насладиться и его внешним видом (о, эти тёмно-русые волосы, голубые глаза, спортивная фигура!), и его прекрасным голосом. К тому же у него, как я успела заметить раньше, шикарные брови а-ля Марлон Брандо, а также аппетитные губы и аристократичные ноздри.

Да, изумительные!

Кому рассказать – повертят пальцем у виска: «Ноздри! Совсем спятила!» Но чем ещё заниматься, как не разглядывать парня, пока он ездит мне по ушам? Не вслушиваться же в его слова! Егор талантливо расписывает трудности, возникшие у страховой компании при попытке расстаться с крупной суммой денег и передать её мне. Столько всяческих нюансов и неразрешимых проблем! Подумать только!

Вот я и не слушаю весь этот трёп.

Не верю ни одному слову!

Зубы, кстати, у юноши тоже превосходные – белые, ровные... Ну а улыбка и вовсе невероятная. Он улыбнулся мне два раза, и все звуки тут же умолкли, мир вокруг замер... Но вообще-то он скуп на улыбки, этот Егор Петров. Серьёзный мальчуган.

Каждый раз он сражает меня наповал своей вкрадчивой вежливостью. Набирая номер страховой компании, я жажду нелицеприятно высказаться в адрес «Атланта», придерживающего деньги за разбитый автомобиль. Но тут же напарываюсь на изысканное радушие Егора. Он так рад меня вновь слышать! Интонации искренние, никакой слащавости... Два-три ласковых слова, и ругательства вязнут в горле, как кислый творог: если сейчас я выплуну их в трубку телефона, то потом неделю буду чувствовать себя хамкой, обиженной наследного принца.

Уж не в Оксфорде ли его учили манерам?

Мечтаю, чтобы внешние достоинства Егора Петрова соответствовали его внутреннему содержанию – тогда существует надежда, что страховая компания меня не обманет и отдаст все деньги сполна. Но насчёт нравственных характеристик Егора пока ничего не ясно. Возможно, все его слова о необходимости «получить дополнительные материалы» и «выяснить некоторые подробности» – не пустой трёп, и я, в конце концов, получу свои деньги. И наоборот: голубоглазый красавчик – настоящий упырь, поднаторевший в «обуваннии» клиентов. Тогда страховой компенсации мне не видать.

И что потом?

Идти в суд?

Моя учительница английского, Лиза, очаровательна. Однако её обаяние никак не влияет на мои успехи в изучении языка. Думаю, верзила в маске палача, с хлыстом в одной руке и раскалёнными щипцами в другой, был бы более эффективен, нежели прелестная Лиза, расточающая улыбки и комплименты...

После нескольких месяцев бесплодных мучений в мою душу закралось ужасное подозрение: я никогда в жизни не выучу английский.

И как другие с ним справляются?

Даже дети!

Нет, я определённо тупица!

Но Лиза говорит – всё дело в недостаточной мотивации.

– Юля, а зачем тебе язык?

– Как зачем?! Английский – язык мирового общения. Его знают все. Кроме меня. И вообще, согласишься, не очень-то современно в эпоху открытых границ не говорить ни на одном иностранном языке.

– Отлично можно жить, кстати. А ты собираешься в поездку?

– В июне поеду к подруге в Прагу.

– Там ты прекрасно обойдёшься без английского. В Чехии многие ещё помнят русский, да и с подругой ты наверняка будешь общаться не на английском.

– Это верно. Она русская.

– Вот видишь. Идём дальше. Нужен ли он тебе для работы?

– А как же!

Я представила, как общаюсь на великолепном английском с чиновниками из мэрии. Для выражения чувств мне вполне хватило бы одного-единственного глагола, широко используемого в американских фильмах. На прошлой неделе, когда я радостно заявила в мэрию с вопросом, не пора ли моему бравому артиллеристу паковать чемоданы для переезда, мне спокойно разъяснили, что Иннокентию Михайловичу придётся ждать квартиру как минимум года три...

Минута молчания. Шок.

Вот тут бы и пригодился английский глагол.

Хотя на русском прозвучало бы ещё лучше.

Три года... И это после того, как «Уральская звезда» (и я, в частности) раструбила на всю область о победе, одержанной в битве с бюрократами. Газета напечатала радостную статью, а по местному ТВ показали сюжет: принарядившийся Иннокентий Михайлович принимает из рук чиновника букет цветов и красивый сертификат.

Я наивно полагала, что дело сделано: после нескольких месяцев бумажной волокиты, отговорок и отказов удалось-таки встроить Иннокентия Михайловича в очередь. И значит к девятому мая он обязательно получит квартиру! Как же иначе? Артиллерист, командир батареи, вся грудь в орденах, три ранения, прошёл с боями Белоруссию, Польшу, добрался до Берлина и до рейхстага – неужели можно оставить восьмидесятивосьмилетнего ветерана без долгожданного (и обещанного правительством!) подарка в юбилейную, шестьдесят пятую годовщину Великой Победы?

Оказывается – запросто!

Я рано радовалась. «Ах, ну что вы опять скандалите, Юлия Андреевна! Получит ваш старичок квартиру, обязательно получит. Но – в порядке очереди. Куда ж нам других ветеранов девать? Вы хотите через их головы перепрыгнуть...»

Сколько вреда от бюрократов! Чиновник любого калибра и нравственных качеств – это зло. Те, которые занимают высокие посты и загребают миллионные взятки бульдозерными ковшом, безусловно, аморальны и разваливают страну. Но и от тех, кто не берёт взятки,

вреда не меньше: они до того въедливо чтут каждую букву несуразных, идиотских законов, что, как болотная трясина, способны поглотить любое хорошее начинание.

Бедный Иннокентий Михайлович. А он меня благодарил, называл «внученькой». Внучка подвела. Мы думали, что пришли к финишу, но, как выяснилось, впереди – новый марафон. Яркая звезда надежды сверкнула на небосклоне и скрылась за горизонтом. Наша победа обернулась бесславным поражением...

– Значит, и для работы язык тебе не нужен, – подвела итог Лиза.

– А?

– Юля, я говорю, что для работы английский язык тебе не нужен. Что дальше?

– Так-так-так... Я хочу понимать, о чём же поёт Демис Руссос! – выдвинула я новый аргумент.

– А кто это? – удивилась Лиза.

Я замерла от неожиданности.

Как можно не знать Демиса Руссоса?!

Лиза младше меня на девять лет. Внешне эта разница конечно же совершенно не заметна. Зато в общении ощутима. Для меня легендарная «From souvenirs to souvenirs» – как молитва. А Елизавета даже не подозревает, о чём идёт речь.

Я вспомнила, как наповал сразила как-то Нонну заявлением, что не знаю певицу Мари Лефоре и ни разу не слышала песни «Манчестер-Ливерпуль». Как выяснилось, эта была музыка, всё моё детство сопровождавшая прогноз погоды на центральном телевидении. Нонна тоже была старше на целое десятилетие...

Но нам это вовсе не мешало.

– Если хочешь понять, о чём поют любимые певцы, достаточно скачать перевод из Интернета, – сказала Лиза.

– Мне надо знать, что написано на этикетках! – не сдалась я.

Как же убедить вредную девчонку, утверждающую, что у меня нет сильной мотивации, в обратном?

– Сейчас на любых этикетках обязательно пишут русский перевод!

Наконец, я выдвинула последний аргумент:

– Муж отлично знает французский и хорошо – английский. Свекровь и вовсе заливается соловьём. Моя мама способна двадцать минут без остановки распространяться на экономические темы, используя узкоспециальную лексику и блистая оксфордским произношением. И только я одна не могу связать двух слов. Мне стыдно. В прошлом году к свекрови приезжала в гости англичанка. Они болтали без умолку. А я молчала и глупо улыбалась!

– Понятно. Наконец-то мы докопались до истины, – кивнула Лиза. У неё на щеках очаровательные ямочки, а глаза волшебным образом сверкают. – Родственники высоко подняли планку. А ты не соответствуешь их уровню. Хочешь догнать мужа, свекровь и маму?

– Не очень-то весело чувствовать себя необразованным пеньком.

– Что ж, согласна, мотив достаточно сильный. Неутолённые амбиции способны подсыпать порох в пороховницы. Хотя, конечно, лучше бы иметь в качестве мотива жестокую жизненную необходимость. Если деваться некуда, английский учится на раз-два.

Наверное, это не мой случай.

Я не останусь без работы и не умру с голоду, если вдруг так и не выучу язык. Однако представляю сочувственную усмешку свекрови: «Ах, Юля, далеко не у всех есть способности к иностранным языкам. Ты определённо не попала в число счастливчиков».

Вывернусь наизнанку!

Ланочке – доказать, Никиту – растрогать, маму – порадовать.

Да, Марго будет несказанно рада. Я всю жизнь плетусь в арьергарде у собственной мамы, не в силах соответствовать её высоким стандартам. И вот оно, счастье: дочь взялась за ум, развивается...

– Но, знаешь, Лиза... У меня контузия. Обширная черепно-мозговая травма. Английские слова не задерживаются в моей голове.

– Не расстраивайся. Справимся. Кстати, а где твой знаменитый ежедневник?

– Потеряла.

– Ой! Какое несчастье! Он меня восхищал своими размерами. И из него столько всего торчало в разные стороны! Как же ты теперь?

– Ищу в магазинах нечто похожее.

Эх!

Никитин подарок...

Потеряла, ворона!

– Значит, и карточки надо переделывать?

– Да, пишу новые.

Обычно разговоры на русском мы ведём за пределами аудитории. В процессе занятий Лиза старается говорить только на английском. Я мало что понимаю. Эта девочка тарыхтит, как пулемёт. Во время учёбы в институте Лиза прожила год в Америке и год в Великобритании – по студенческому обмену.

Пять минут назад мы вышли из офиса лингвистических курсов и сели в мою машину.

– А какой вариант английского учить: американский или британский? Они значительно отличаются в произношении и грамматике. Весь мир говорит на американском. Кому тогда нужен британский вариант?

Похуже, я зануда.

– Ха, Юля, я тебе больше скажу! Британский вариант тоже делится на три подвида. Во-первых, это консервативный английский. Во-вторых, «received pronunciation», что в переводе означает «принятый стандарт». Этот вариант, его ещё называют «BBC English», используют твои английские коллеги-журналисты. И в-третьих, продвинутый английский, или «язык молодёжи». Это наиболее подвижный диалект, он отражает все новомодные веяния.

– Упс. Я из двух-то вариантов не могла выбрать. А их вообще прорва.

– Не переживай. Основу «принятого стандарта» составляет классический литературный английский. Это язык знаменитых школ и университетов – Итон, Оксфорд, Кембридж. Он является базой любого курса английского языка, это наиболее богатая и полная версия. Именно его мы с тобой и начали изучать. Ты не возражаешь?

– Ладно, уговорила.

– Конечно, если бы ты собиралась иммигрировать в Америку... Но ты ведь не планируешь. В любом случае, изучать надо правильный язык. Человек с хорошим классическим английским достаточно легко сможет переключиться на другой вариант языка.

– Лиза, а сколько нужно выучить слов, чтобы сносно общаться?

Мне обязательно надо это выяснить! Не так-то просто в моём преклонном возрасте зубрить слова.

А вдруг выучу лишнее?

Зачем зря себя мучить?

– Сейчас я тебя обрадую. Базовый уровень – всего пятьсот слов. А для нормального общения хватит тысячи. Подумай, какая-то ничтожная тысяча! Однако это должны быть правильно отобранные слова, с высокой частотностью употребления.

– Ну, естественно. Было бы глупо зубрить химический словарь или справочник геодезиста.

– Для более полноценного общения и уверенного чтения достаточно двух тысяч слов.

Так, сейчас я быстро подсчитаю...

– Две тысячи слов можно выучить за сто дней. По двадцать слов в день. Или за пятьдесят дней – если по сорок. Или поднапрячься и...

– ...и выучить английский язык за один день! Да, наверное, и такое реально, – засмеялась Лиза. – Итальянский кардинал Джузеппе Меццофанти отлично знал тридцать восемь языков, да к тому же мог говорить ещё на пятидесяти диалектах.

– Необыкновенный человек! – с благоговением выдохнула я. – Это впечатляет! Я и пять слов в день выучить не в состоянии... А ещё, Лиза, хотела у тебя спросить насчёт...

– Юля, мне уже ясно, что в умении генерировать интересные вопросы ты не уступаешь пятилетнему ребёнку. Но почему бы не задавать их на английском?

И я тут же замолкла. Набрала воды в рот, почему-то ни слова не могла из себя выдавить...

Все эти вопросы мы обсуждали в машине, проезжая по заснеженным улицам города. Сразу после моего урока у Лизы корпоративное занятие в крупной строительной компании. Я подбросила прелестную училку до офисного центра. Сверкающая синим стеклом высотка окутана розовой морозной дымкой.

Думаю, с коллективом фирмы Елизавете заниматься гораздо легче. Вот уж кто замотивирован на учёбу по самое не хочу! Представьте: начальство приказало всем сотрудникам в срочном порядке овладеть языком, так как фирма вышла на международный уровень. Недовольных или неспособных ждёт жестокая кара – лишение премии, квартальных бонусов. Зато отличников щедро вознаградят. Да к тому же в группе бушует дух соперничества: коллеги стараются переплюнуть друг друга, блеснуть знаниями... Страшно представить, с каким яростным усердием они корпят над домашними заданиями!

Но Лиза почему-то сказала:

– Ужасно устаю от корпоративных занятий! В индивидуальном порядке работать гораздо легче. Мне крупно повезло, что ты решила взяться за английский. Ты – интересный ученик. Хотя и непростой... Спасибо, что снова довезла меня!

Глава 5

Несанкционированное расследование

Всю жизнь я пытаюсь понравиться собственной маме. В последнее время вроде бы получается. Но конечно, вовсе не потому, что я вдруг стала невероятно успешной – куда там! Нет, это Марго изменилась под влиянием удачного замужества. Она стала мягкой и ласковой.

Хотя не перестает грузить!

Мягко и ласково.

Сегодня позвонила в восемь утра, – резким звонком, как мотыгой, выкорчевала меня из кровати... В Москве – шесть. Зачем ей просыпаться так рано, если она теперь на пенсии? Зачем оставаться в Москве, если её уволили? Приехала бы к нам...

– Юля, ты записалась на приём к кардиологу?

– А? Что?

Я только что видела восхитительный сон... Мы с Никитой, превратившись в дельфинов, резвились в тёплом океане... Да, конечно, уже восемь утра, пора вставать и двигать на работу. Хотя в редакции никто не удивился бы, приди я сегодня к одиннадцати или вообще не нарисовавшись... Опять всю ночь просидела за компьютером.

– А? – глупо переспросила я.

– И ещё – к отоларингологу. У тебя что-то со слухом. Я спрашиваю, записалась ли ты на приём к кардиологу? Когда мы с тобой виделись в последний раз, мне не понравился цвет твоего лица. Ты какая-то бледная... Синяя...

– Похожа на мёртвую ощипанную курицу? – загрустила я. – Помнишь, в моём детстве в магазинах продавали худых синюшных кур? Сколько же они стоили... Два рубля двадцать копеек? Или рубль шестьдесят?

– Боже мой, что ты говоришь! Ты спала, что ли? Но у вас уже восемь утра!

Да, я понимаю, находиться в кровати в восемь утра – это жуткое преступление! Едва не брякнула, что давно сижу в редакции, но вовремя сообразила, что говорю не по мобильнику, а по домашнему телефону.

– Мама, а почему ты до сих пор в столице? Приезжай к нам! Мы соскучились. Твой муж – особенно!

– Сдаю дела. Ввожу преемника в курс дела, – сухо ответила Марго. – Кстати, насчёт моего мужа... Юра очень тебя хвалил.

– Правда?

– Ты его капитально выручила.

Ах, это... На прошлой неделе Юрий Валентинович внезапно остался без машины, и я подбросила его в одно местечко. А так как мы не успели закончить начатый по дороге разговор, то затем доехали и до другого офиса. Ну и – раз так получилось – заскочили еще по одному нужному адресу, попутно навестив мою редакцию... В результате весь день промотались на «жигулёнке» по городу, и два раза едва не стали участниками ДТП, но не по моей вине, а из-за погодных условий (гололёд, снежные заносы, метель) и беспечности других водителей. Я снова пообещала себе открыть шампанское, если удастся закончить эту дикую зиму без аварий!

– Юра сказал, ты отлично водишь и ловко выкручиваешься из сложных дорожных ситуаций!

Я зарделась от удовольствия.

– А помнишь, всё никак не могла сдать вождение по городу?

– Да. Подумать только.

- А сейчас Юра сказал, что ты даже лучше его водителя.
- Правда? Может, пошутил? Или хотел сделать тебе приятно, похвалив меня.
- Нет, не думаю... Что ж, умница, – похвалила Марго. – Это мои гены!

Должно же мне было хоть что-то перепасть от талантов Марго! До сего момента среди генетических сокровищ, унаследованных от родительницы, значились только ноги – у мамы они невероятно красивой формы, длинные, стройные, хоть прямо сейчас на подиум. У меня, к счастью, такие же (да ещё и на двадцать пять лет помоложе). Но больше от Марго мне не досталось ничего – ни яркой красоты, ни блестящих математических способностей, ни умения обуздывать эмоции и быть проницательной, но непроницаемой...

Зато мы с ней отлично водим автомобиль!

– Но смотри, Юлия, не расслабляйся за рулём! Будь начеку... Ты же знаешь... Твоя Нонна была асом вождения. Однако...

– Не расслабляюсь, – заверила я. – Честно.

Вероника прислала письмо. В нём – душераздирающей вопль женщины, неумолимо набирающей вес. Мне трудно понять, каково это – каждую неделю видеть новую, более значительную, цифру на весах. Моя мечта – стать счастливой обладательницей двух дополнительных килограммов. Увы, никак не удаётся закрепить их на себе. Но я готова искренне посочувствовать Веронике. Она ощущает себя шхуной с поломанным штурвалом и оборванным якорем, с дикой скоростью несущейся на скалы. На скалах выбита надпись «100 кг». И как остановить этот стремительный полёт?

Закреть рот на замок.

Из письма Вероники:

«...а когда твой муж – искусный повар, да к тому же – шеф-повар ресторана, это и вовсе невозможно! По какой-то трагической случайности я оказалась главным дегустатором всех новых блюд... Проклятые кнедлики! Они специально придуманы для того, чтобы ни одна капля соуса не осталась на тарелке. А Иржи – настоящий соусный бог! Сегодня он смастерил телятину с лисичками. Это означает, что завтра я опять буду весить на килограмм больше!!!»

Телятина с лисичками?

Брррр...

Вероникиного мужа зовут Иржи Кубичек. Я сразу присвоила ему изящный псевдоним – Коржик Кубический. Мне почему-то представляется маленький толстый чех, колдующий на ресторанной кухне – вокруг него всё живёт и дышит: шкворчит на сковороде сало, бурлит в огромной кастрюле густой суп с травами, свиное колено истекает золотистым жиром в духовке...

Вторая половина марта, а зима и не кончается! Более того, ежедневно образуются новые сугробы. На детской площадке ушли глубоко под снег скамейки, песочница и горка. Когда это снежное изобилие начнёт таять, нас ждёт наводнение!

– Юлия, а мы не могли бы встретиться? – услышала я в телефонной трубке знакомый голос и от изумления едва не потеряла дар речи.

Это позвонил Егор Петров из «Атланта».

Не я – ему, он – мне!

Неужели страховая компания созрела и готова наконец-то выплатить компенсацию за разбитый автомобиль?

– Конечно, подъеду! – обрадованно выпалила я.

Мы договорились встретиться в три часа дня, но у офиса «Атланта» я нарисовалась на сорок минут раньше – так получилось. Удалось хорошо припарковаться: этой зимой из-за нагромождения неубранных сугробов количество парковочных мест существенно сократилось, а их и так всегда не хватает... Итак, в моём распоряжении сорок минут. Я задумалась над альтернативой: пробежать сто метров по морозу до ближайшего кафе и съесть чего-нибудь или остаться в нагретом автомобиле, открыть ноутбук и под мягкое урчание мотора (а также моего голодного желудка) посочинять статью?

Случайно обнаруженная в сумке вафля решила вопрос в пользу второго варианта. Вафля – чем не обед? А если посмотреть на неё глазами анорексички, то ещё и завтрак, и ужин, то есть «три в одном»!

И не надо вылезать из тёплой машины.

Вероника и Иржи меня бы не поняли. Эта парочка, владеющая рестораном и гостиницей «У Золотого Льва», наверняка преодолела бы не только ничтожные сто метров, но совершила бы целый марш-бросок ради полноценного обеда. Я же удовлетворилась вафлей. Запихала её в рот, тихо удивляясь загадочному появлению продукта в моей сумке, потом перебралась на пассажирское сиденье, открыла ноутбук и принялась за работу.

Но тут рядом с моей машиной припарковалась великолепная белая «ауди». Из неё пулей выскочила девушка в норковой куртке и сразу же завладела моим вниманием. Движения эффектной блондинки были нервными и порывистыми, светлые длинные волосы шлейфом летели следом. Барышня, очевидно, и не подозревала о существовании в природе меховых или трикотажных шапок, а также беретов, шарфов, треуголок, кепочек, на крайний случай – танковых шлемофонов. Последствия прогулки по тридцатиградусному морозу с непокрытой головой её не волновали. Её определённо волновало что-то другое.

Глупышка!

Так ведь можно и менингитом заболеть!

Красивая потенциальная жертва менингита стремительно двинулась к офисному зданию. И тут же на крыльцо из стеклянных дверей выскочил Герой дня – Егор Петров, мужчина, из уст которого я вознамерилась сегодня услышать сладкие слова: «Все документы в порядке, завтра вы получите деньги».

Егор устремился навстречу барышне и остановил её неукротимое движение, схватив за локти. Но, схватив, не прижал к себе, а напротив постарался избежать тесного контакта – удерживая на вытянутых руках, как дикую кошку. Сам Егор явно выскочил из офиса впопыхах, едва накинув куртку. Девушка, высокая и тонкая, смотрелась рядом с ним изящной статуэткой... Эта парочка, безусловно, собиралась поругаться. Они испепеляли друг на друга возмущёнными взглядами. Но неужели они будут выяснять отношения прямо тут, на морозе? Неужели не войдут внутрь здания? Их же заметёт снегом!

По блестящей чёрной плитке, украшавшей крыльцо офисного центра, перекатывались снежные буруны, подгоняемые ледяным ветром. Внезапный сильный порыв – и крыльцо на миг становилось чистым, а затем его снова засыпало снежной позёмкой. Волосы блондинки взмывали над её плечами, падали на покрасневшие щеки. Она не обращала внимания – что-то говорила Егору, глядя на него снизу вверх жалобными глазами. Говорила то с мольбой, то с гневом, пытаясь его в чём-то убедить.

Но юноша был неприступен. И если лицо блондинки ежесекундно менялось, отражая весь спектр эмоций, то физиономия сотрудника страховой компании застыла в маске пренебрежения. «Надоела!» – было написано на лице Егора.

А как же его аристократичные манеры?

Разве так разговаривают с дамой?

Даже если Егор задумал дать отставку своей эффектной подруге, ему бы следовало быть более чутким и вежливым. И разговаривать с ней так, как он это делает со мной.

Без пяти три я натянула поглубже шапку, замотала покрепче шарф, открыла машину и грациозно выбралась наружу, стараясь не зацепить дверцей «ауди». Владелица дорогого автомобиля как раз направилась к парковке. Радостной и оживлённой назвать её было совершенно невозможно. Егор, проследив за ней взглядом, увидел меня. Я улыбнулась и помахала рукой – словно только что подъехала...

– А вы пунктуальны, Юлия! Давайте сразу к делу. Мне надо с вами побеседовать, прояснить некоторые пункты.

– Ах вот зачем вы меня пригласили, – расстроено промямлила я, тут же сникнув.

Прощайте, денежки!

Мы стояли на крыльце, я заняла место красивой блондинки. Однако на меня сотрудник отдела выплат смотрел более благосклонно. Егор сунул руки в карманы куртки и втянул голову в плечи. Снежинки не таяли в его волосах и на ресницах.

Ну и погода!

Я тоже сунула руки в карманы пуховика. Две минуты без перчаток, и уже ломит пальцы. Мои щёки пылали как от ожога, мороз нещадно кусал их. Наверное, больше уже никогда, никогда, никогда не потеплеет!

Нас ждёт новый ледниковый период.

– Можем подняться к нам в офис, – предложил Егор. – Или посидим вон в том кафе. Согласны? Сегодня остался без обеда и не отказался бы заморить червячка.

– Я уже пообедала, – мрачно заметила я.

Мысль о том, что страховая компания продолжает юлить, меня разозлила. «Надо прояснить некоторые пункты». Какие? Уж за это время они могли бы прояснить все интересовавшие их вопросы. Пора бы заплатить мне деньги!

– Да? Пообедали? – разочарованно спросил Егор. – Ну, давайте тогда в офис.

– Пойдёмте в кафе, – буркнула я. – Мне без разницы.

– Отлично! – оживился замёрзший собеседник.

– Предлагаю доехать на машине. Моя ещё не остыла.

– Юля! Да тут же два шага! – удивился Егор.

Любит он перечить девушкам.

Сегодня я это поняла.

– Ну да. Целых два шага. Могли бы и доехать. Тем более по морозу. Нет, а что?

...В маленьком уютном кафе на окнах висели оранжевые шторы, стены украшали маски и картины, столешницы были шоколадного цвета, в центре каждой красовался лимонно-жёлтый квадрат с африканскими рисунками. Я привычно оценила интерьер, качество мебели и посуды, униформу официанток – отголосок счастливой поры, когда Нонна управляла «Золотом» и «Шоколадом», а я во всём ей помогала. Тут же по сердцу полоснуло острым ножом тоски, я вспомнила, что теперь нет нужды сравнивать любое кафе с нашими кофейнями, выискивая у конкурентов удачные фишки или желчно радуясь их промахам.

Егор заказал пару килограммов еды, я – чашку кофе. Пока он ловко орудовал приборами и с непередаваемым изяществом двигал челюстями, я подумала о том, как плотно его день нашпигован общением с девицами: всего пятнадцать минут назад он жестоко обошёлся с подругой, и вот уже сидит в кафе с другой барышней, конечно, в сотню раз менее эффективной, но всё же.

Со мной Егор, по-видимому, решил обойтись не менее жестоко. О деньгах речи даже не шло! «Атлант» со всеми клиентами так поступает? Удивительно, что компания держится на плаву. Надо сказать, на официальном сайте положительные отзывы об их работе преобладали над возмущёнными, а ведь многие фирмы вызывают у клиентов иную реакцию: на двадцать гневных откликов приходится один хвалебный, да и тот явно фальшивый.

«Атлант» являлся местной страховой компанией. По размеру капитала фирма значительно уступала компаниям всероссийского масштаба. Но даже то, что ему удавалось соперничать со знаменитыми монстрами, чья реклама постоянно крутится на главных телеканалах, говорило в пользу «Атланта». Мы и выбрали эту фирму потому, что слышали о ней много хорошего.

Но на мне они отыграются!

Вопросы, вопросы, вопросы... Всего пять минут – и убедилась: не только я способна похоронить собеседника под шквальным огнём вопросов, Егор Петров тоже владеет этим искусством...

– Юля, вот скажите, я так и не понял, почему вы лично не ездили на «ниссане», а держали его на парковке?

Я пожала плечами.

– Берегла. У меня опыт вождения маленький. Боялась морду разворотить или ещё что. Машина дорогая.

– Ну, так вы для того и застраховали джип на круглую сумму, чтобы защитить себя от подобных неприятностей. Починили бы, в крайнем случае.

– Одно дело – новенький автомобиль. И совсем другое – битый и крашеный.

– Да, с этим трудно поспорить.

– Вот я его и берегла. Хотела основательно потренироваться сначала на моих «Жигулях». Когда я вдруг царапаю дверцу или крыло, а это случается с пугающим постоянством, то просто достаю лак для ногтей и закрашиваю сколы. Подобрала нужный оттенок.

– Интересная тактика.

– Согласитесь, с «ниссаном» этот номер не прошёл бы.

– Однако, Юля, ваш стаж – почти два года. Если ездить ежедневно, а вы, как я понял, и двух шагов без машины ступить не желаете, то можно приобрести отличный опыт.

– Это не про меня, – сокрушённо вздохнула я. – Я тормоз. До сих пор не научилась парковаться задним ходом.

– Да ладно!

– Серьёзно.

– Но вашей подруге Нонне Кратовой вы безоговорочно доверяли «ниссан».

– Угу. Вот она уж точно была профессионалом.

– Однако пятого февраля этого года на пятидесятом километре шоссе, неподалёку от кафе «Бодрый Джек», она улетела на вашей машине в кювет.

– Да, – печально подтвердила я. – Улетела. Но вы же смотрели бумаги. Эксперты пришли к заключению, что она уходила от лобового столкновения. Наверняка какой-то урод выскочил на встречу.

Егор помолчал некоторое время, сочувственно на меня поглядывая – давал возможность справиться с нахлынувшими чувствами. Да нет, я вовсе не собиралась плакать, вспомнив о трагедии. Ему не стоило волноваться.

А слёзы – это от мороза. Когда с холода попадаешь в тепло – лицо краснеет, а глаза начинают подозрительно блестеть.

– И всё равно как-то странно, – задумчиво пробормотал Егор.

– Что странно?

– Пытаюсь примерить ситуацию на себя. Представим, я купил тачку. Новенькая, блестящая, только что из автосалона... Но сам не езжу. А другу даю. Так, что ли? Ерунда какая-то! Да я бы, во-первых, не вылезал из неё. А во-вторых, уж точно никому бы не доверил.

– Но вы-то в курсе, что я поступила иначе? В машине разбилась Нонна, а не я.

– Похоже на то, – вынужденно согласился Егор, внимательно посмотрев на меня.

К счастью, я мало походила на измятый, изрезанный осколками, окровавленный труп. Именно это достали из моего автомобиля в ту жуткую февральскую ночь. А я сидела сейчас напротив Егора – живая и разговорчивая.

– Но что вас беспокоит? Не понимаю. Нонна была абсолютно трезвой, экспертиза это подтвердила. Управляла машиной по доверенности, все документы оформлены верно. Права не просрочены, даже медсправка относительно свежая. Правил не нарушала, гонок по магистрали не устраивала. Так почему бы «Атланту» не выплатить мне страховку?

– Вы занимались похоронами?

– Я и мой муж. У Нонны не было семьи. Так получилось, что в последнее время я приходилась ей самым близким человеком.

– Поиздержались?

– Не без того. В нашей стране и жить дорого, и умереть не всем по карману.

– Но ваша подруга управляла двумя кофейнями. Наверняка была дамой обеспеченной?

– Вовсе нет. Последний год она находилась в стеснённом финансовом положении – ну, по её меркам, конечно. И даже квартиры собственной не имела, ей фирма арендовала. В общем, ни кола ни двора. И потом, она же не копила на похороны! Она долго жить планировала. А не каких-то сорок четыре года...

– Ясно. Вернее, так ничего и не ясно, но всё равно спасибо, Юля, что уделите мне время.

Официантка принесла общий счёт.

– Вы позволите, я оплачу ваш кофе? – с некоторой опаской поинтересовался Егор.

– Да ради Бога! – усмехнулась я. – Драться из-за этого не буду.

Я же тут не мамонта под брусничным соусом съела! Сто рублей, истраченные на мой кофе, явно не подорвут финансового благополучия юноши.

Мы расстались, не очень удовлетворённые встречей. Егора терзали какие-то странные сомнения, а меня возмутила его попытка вновь начать разбирательства. Что он затеял? Собственное расследование? Ищет какие-то зацепки, присматривается ко мне. Будто осторожно пробует на вкус. И я знаю, его цель – найти причину для отказа и лишить меня законной выплаты.

Поэтому я нервничаю. Нужно быть очень осторожной. С моей привычкой к пространственным рассуждениям легко сболтнуть лишнего.

Письмо от Вероники:

«...и, конечно, мы обязательно прогуляемся по Карлову мосту. Это одна из главных пражских достопримечательностей и проигнорировать её – туристическое кощунство. Мост заложен Карлом IV в 1357 году, взамен старого, смытого ледоходом. При строительстве, чтобы придать конструкции прочность, в раствор добавляли яйца, молоко и вино. Как видишь, я снова про еду. Мост огромный, и он до отказа заполнен туристами, художниками и музыкантами. А также скульптурами святых и мучеников...».

В двенадцать ночи мне позвонил Никита. У него сейчас девять вечера. Я рада слышать любимый голос.

– Ты ведь не спишь?

– Естественно, нет!

– Я так и думал. Ну что, сходила в «Атлант»?

– Угу. Безрезультатно.

В двух словах рассказала Никите о встрече со страховщиком.

– Излюбленная стратегия страховых компаний – тянуть с выплатой денег.

– Не понимаю, к чему там можно придраться?

Мы с Никитой немного помолчали, прокручивая в голове ситуацию.

– Слушай, а ты был на Карловом мосту? – некстати спросила я, вспомнив о письме Вероники.

– Конечно. И ты побываешь, когда поедешь в Прагу. А что?

– Говорят, он украшен многочисленными скульптурами святых, и самая популярная изображает святого Яна Непомуцкого. Если прикоснуться к нему рукой и загадать желание, оно обязательно сбудется. Но, наверное, чтобы святой сумел исполнить желание, надо загадывать реальные вещи. Все хотят волшебного будущего. А я мечтаю изменить прошлое. Вот если бы в этом году не было февраля!

– Там в числе прочих есть статуя апостола Иуды Фаддея.

– И кто он такой?

– Он считается покровителем безнадежных дел и отчаянных ситуаций.

– О-о... Тогда, прежде всего, мне следовало бы постоять у этой статуи, а не занимать очередь к святому Яну, да?

Глава 6

На полях сражений

Случайно выяснилось:

- 1) у Лизы есть ребёнок,
- 2) с ребёнком проблемы.

Я совершенно не ожидала, что моя юная учительница уже успела обзавестись малышом. Ему четыре года, и его зовут Иван.

И как Лизе всё удаётся?

Когда мне было двадцать девять, я только-только познакомилась с Мужчиной Моей Мечты. А она в двадцать пять от Мужчины Её Мечты уже имеет четырёхлетнего сына! Не говоря о том, что к этому моменту она получила отличное образование (английский в совершенстве плюс французский, испанский и итальянский), а также объездила весь мир. Монако, Токио, Сан-Франциско, Джакарта – Лизе есть о чём поговорить. Жаль, она согласна делать это только на английском. А я ещё не выучила двух тысяч слов, чтобы понять её рассказ... Но я коварно совращаю очаровательную преподавательницу: мы всё больше говорим на русском!

Сегодня у Лизы нет корпоративного занятия, но, как выясняется, нам всё равно по пути – я еду в редакцию, а ей срочно надо в детский сад.

– Сейчас быстренько захвачу сына и поедem к профессору. Удалось договориться о консультации, – сообщает Лиза.

– К профессору? Зачем?

– Ой, Юля. У нас серьёзная проблема. Ходим по врачам. Иван до сих пор не говорит.

– Как это «не говорит»?

Все вопросы, касающиеся детей, вызывают у меня живой интерес. Среди приятельниц и знакомых я имею репутацию «безотказной няньки». Совершенно без ущерба для ребёнка его можно сбегать на пару часов (а порой даже на целый день!) доброй тёте Юле. Накормлю, развлеку, выведу на прогулку, искупаю, ловко обработаю лосьоном и присыпкой... Умею оказывать медицинскую помощь, сбиваю температуру, хорошо помню, у кого на что аллергия.

Так как в редакции свободный график работы, это даёт прекрасную возможность садиться мне на шею. Многие и пытаются, зная моё трепетное – на грани с патологией – отношение к младенцам.

Но ничего.

Скоро мы с Никитой заведём собственного.

Я не теряю надежды.

– Как это «не говорит»?

– Ну-у... Так. В нашем лексиконе от силы десять слов.

– Значит, что-то всё-таки говорит?

– Ну-у... Да.

– Надо же. А давай, Лиза, я вас подброшу к врачу? Куда вы по такому морозу?

– Что ты, мне неудобно! Поймаю на остановке такси.

– Да ладно. Считай, я и есть такси.

– Нет, Юль. И так постоянно тебя использую. И потом, ты же собиралась в редакцию. А больница в другом районе. Полдня потеряешь.

– Да не переживай! Зато познакомлюсь с твоим парнем.

...Парень, экипированный как полярник – одни глаза блестели над шарфом, – подошёл к машине. Внимательно осмотрел и водителя, и транспорт. Потом кряхтя полез внутрь, на детское кресло.

Да, у меня пока ещё нет малыша, но есть автомобильное кресло – для перевозки детей моих друзей. Ева подкидывает мне Мишутку, Женя – Свету и Кирилла.

Я – святая?

Лиза стянула с сына шарф. Под ним обнаружилась очаровательная мордочка.

– Привет, малыш!

– Ванечка, поздоровайся с Юлей! Вань, ты меня не слышишь? Поздоровайся, Иван! – настойчиво прошипела Лиза. – Ну что ты молчишь? Как мы с тобой договорились?

Должно быть, одевая ребёнка в садике, мамаша провела инструктаж, но не добилась успеха. Пацан не сказал ни слова, хотя не сводил с меня заинтересованного взгляда.

Ну и что?

Искать признаки ментальных отклонений в том, что четырёхлетний малыш не желает здороваться с незнакомой тёткой?

Да и не выглядит он на четыре.

Микробушек.

– А когда вам исполнится пять?

– Ваня, не отвечать невежливо! – расстроено объявила Лиза. – Пять? В октябре следующего года.

– Здрасьте! Значит, Ивану всего три с половиной, а не четыре. Что это вы, мамаша, приписками занимаетесь?

Я посмотрела на ребёнка в зеркало заднего вида и постаралась скорчить самую ужасную рожу, какую удалось придумать. Большое подспорье в общении с детьми – уметь вовремя изобразить злобного хоря или обожравшуюся пиранью.

Ваня отреагировал быстро и адекватно. Он сотворил с лицом нечто невероятное: закатил глаза, сморщил нос, свесил набок язык и быстро-быстро задышал.

Ну и зачем ему слова?

Лиза с опаской посмотрела на сына, потом на меня. Я в этот момент вживалась в образ лягушки, измученной токсикозом: раздувала щёки и утробно гыркала.

– Юля, а ты сможешь вести автомобиль? – озабоченно спросила Лиза.

– Что? Ах, да, конечно. Поехали.

С заднего сиденья донеслось бодрое хрюканье.

Какой чудесный малыш!

Навестив профессора, я успела, как и планировала, заехать в редакцию. Остаток дня плодотворно работала, то есть общалась по телефону и Интернету:

1) с мамой,

2) с чиновником из Минздрава,

3) с Вероникой.

Мама улетает в Австрию, они с Юрием Валентиновичем купили двухнедельный тур. Меня радует этот факт. Марго выбрала привычный для неё, хотя и дорогостоящий, способ борьбы с депрессией – путешествие. Сервис пятизвёздочных отелей и венские вальсы не позволяют ей предаться вселенской скорби по поводу увольнения.

– Вернусь – расскажу, – пообещала Марго.

Я передала привет отчиму.

– Юра собрался тебя удочерить, – мимоходом заметила мамуся.

От неожиданности я уронила степлер, мышь, ручку и пролила из кружки зелёный чай.

– Мам, ты что?

– Тебя всегда угнетало отсутствие отца, – бессердечно напомнила Марго. Видимо, в детстве я сильно доставала её этой проблемой.

– Но теперь-то я выросла!

– Так. Ты отказываешься?

Юрий Валентинович мне нравится. Если с Марго я постоянно начеку и готова в любой момент отбить атаку, то разговор с Юрием Валентиновичем действует умиротворяюще, расслабляет, как глоток коньяка. С ним приятно общаться. И он обо мне заботится: то вывезет на дачу, то нагрянет с подарками. У нас сложились добрые отношения, зачем подтверждать их документально?

– Ну-у, я не зна-аю...

– Юля, ты что?! Я же пошутила! Расслабься! Это была шутка. Шут-ка!

Пошутила?

Ну вот...

А я уж и размечталась.

...С чиновником из Минздрава я разговаривала на тему больничных младенцев. Диалог вышел на удивление конструктивным, мне пообещали, что буквально на днях детей переведут в Дом ребёнка – для них наконец-то нашлись места.

Я уже три раза ездила в больницу, отвозила детское питание и памперсы, купленные на свои и общественные деньги. Завтра поеду снова. Многие захотели поучаствовать в судьбе малюток. Правда, пришлось осадить некоторых приятельниц, попытавшихся превратить мою квартиру в склад сэконд-хенда: потянулись, милые, стройными рядами, сгибаясь под тяжестью истёртых плюшевых зайцев, песочных наборов, кружевных балдахинов и т. д.

Еле отбилась.

Что за народ!

Ясно же сказала: только деньги или памперсы.

Когда приезжала в больницу, меня пропустили в отделение, предложили взглянуть на подопечных. Я сделала это лишь мельком, через стеклянную стену. Не попыталась войти в бокс, рассмотреть малышей, взять на руки. Мне нельзя это делать. Могу представить, что случилось бы, если б я подняла один из кулёчков, ощутила сквозь тонкую пелёнку крошечное тельце, хорошо понимая: этот малыш безумно одинок, он никому не нужен...

Нет, подобные эксперименты – не для моих нервов. Вместо этого я отловила в коридоре медсестру и строго поинтересовалась, установлен ли нагреватель.

– Да, и даже краны на раковинах поменяли! Теперь можно воду одной рукой настраивать, пока в другой держишь ляльку. Вы из горздравотдела?

– Из газеты...

...Обнаружила в почте новое сообщение от Вероники. Она интересуется, оформила ли я документы для поездки в Чехию. Пишу ей в ответ, что это не так-то просто. У меня нет визы, закончился паспорт. В милиции – очереди. Накануне летних отпусков все кинулись делать загранпаспорта. В узком коридоре не протолкнуться, люди стоят плечом к плечу, приходят за два часа до открытия и толпятся на улице, многократно перепроверяя, кто за кем занял... Тут много колоритных персонажей, и я с удовольствием понаблюдала бы за всеми, постояв полдня в очереди. Но у меня нет на это времени!

В Кремле награждали ветеранов войны. Я смотрела сюжет в вечерних новостях, удобно устроившись на диване с бокалом чая и двумя бутербродами. В тот момент, когда одно из высокопоставленных лиц произносит фразу: «Я рад, что в нашей стране все социальные проблемы ветеранов решены. И в этом – огромная заслуга государства» – бутерброд с колбасой вывалился у меня изо рта.

От изумления.

И как у человека язык поворачивается говорить такое?! Это что – благоглупость или утончённое глумление?

Десятки тысяч участников войны живут в бараках и получают нищенские пенсии. Да, конечно, по сравнению со многими зарплатами их пенсии смотрятся неплохо, но это только потому, что в нашей стране обычное дело – платить людям зарплату, унижающие человеческое достоинство. На самом деле жизнь российских ветеранов – унылое прозябание в старости, беззащитной перед чиновничьим произволом. Особенно горько, что так живут победители, отстаившие Родину в бою. Они победили фашизм, но бесславно проигрывают битву с государственной машиной.

Иннокентию Михайловичу уже восемьдесят восемь лет. Конечно, у него прихватило сердце, когда он узнал, что мытарства с квартирой продолжаются. Но этот старик сделан из железа. Он пообещал быстро прийти в норму, и тогда мы продолжим нашу Сталинградскую битву.

Выиграем ли?

«Юлия Андреевна, только не надо закатывать истерику! – мягко предупредили в мэрии. – Подумайте, ведь проблема решается и другим путём. У Иннокентия Михайловича большая пенсия. Если ему не нравится жить в одной квартире с родственниками, пусть снимет себе отдельные апартаменты».

Это уже явное издевательство!

На днях мне позвонил Фёдор Полыхаев и страшно порадовал:

– Юлька, ты стала притчей во языцех. Говорил сегодня с одним человечком... так слушай: чиновники друг друга тобой пугают!

– Моя слава растёт.

– Ещё, кстати, узнал один интересный факт о тебе. Ты, Юлечка, подрядилась выбивать квартиру, потому что ветеран пообещал потом переписать её на тебя.

Что?!!

Кровь прилила к лицу, сердце бешено забилося, руки задрожали.

– Какая подлость! Да я... Да как они...

– Расслабься! А ты ожидала, что тебя будут осыпать розами?

– Я и не жду. Но придумать такое... Как это вообще...

– Ладно, не обращай внимания. Подумаешь, сплетни! В меня и стреляли, и машиной давили после публикации материала, – успокоил Федя. – Неделью назад кто-то милый выложил в сеть видео, где я занимаюсь сексом с двумя тёлками.

– Видео?! И ты... И сразу с двумя? – ахнула я.

– Почему бы нет? Я молодой, тридцатидвухлетний, неженатый... Девицы – это не парни, не козы, не дети. Всё было по обоюдному согласию. Подловили, конечно, меня с этим видео. А мне по фигу! Я же ещё и удовольствие получил. Прислать тебе на мыло ссылочку?

– Нет!!! – заорала я в трубку. – Не надо!

– А я там удачно вышел, – с гордостью поделился Федя. – И ракурс интересный.

– Спасибо, обойдусь. Ты удивишься, конечно, однако последние десять лет я мечтала о чём угодно, но только не о том, как увижу твой голый зад.

– М-да? – озадаченно промышчал коллега. – Ну, ладно. Не буду навязываться. Кстати, есть какие-то новости о Богдане Гынде? Ничего случайно к тебе не попало?

Хватит меня об этом спрашивать!

– Давай, подруга, держи ушки на макушке. Я тут потихоньку разрабатываю этот золотосный пласт. Копаю, копаю. Говорят, Гында в панике. Мечется. Что-то у него из рук уплыло важное... Хорошо бы сейчас ухватить эти документки... Отличная получилась бы бомба!

– Хочешь опубликовать статью?

– Как же иначе? Даже если бы никто не стал публиковать материал, то я бы просто выложил его в сеть. Чтобы подсыпать перцу этому хмырю.

– Но если Гында будет тебе мстить?

– Я ж говорю – я стреляный воробей. Про гындовский компроматик не забывай. Если кто-то сольёт тебе инфу – держи в курсе дедушку Фёдора.

Глава 7

Он просто хочет разобраться!

Сегодня мы с Лизой устроили девичник. Конечно, с нами был Ваня, но этот мужской элемент в нашей девчачьей компании пока можно вовсе не учитывать... Мы забрали ребёнка из садика и поехали в торгово-развлекательный комплекс «Бумеранг». Пока чадо резвилось в «обезьяннике», мы сидели в кафе рядом с детским вольером. Сквозь стекло было видно, как Ваня увлечённо ползал по трубам или кувыркался в бассейне с пластмассовыми шариками.

– Возьму, пожалуй, вот это. – Лиза заказала кофе и торт «Эстерхази».

Я поинтересовалась, чем закончился их визит к профессору.

– Может быть, просто надо подождать? Пройдёт пара месяцев, и Ваня начнёт говорить?

– Юля! Ему уже четыре года!

– Три с половиной, – поправила я.

– Нам и диагноз почти выставили.

– Да неужели? И какой?

– Аутизм, – голос Лизы дрогнул.

Я оглянулась в сторону «обезьянника». Ваня носился с автоматом, рядом так же резво скакал новый друг в поролоновом бронежилете. Мальчишки бегут направо, потом налево, а через секунду уже висят на трапеции, изображая группу захвата. Как им весело! Щёки у Вани красные, волосы прилипли к разгорячённому лбу... Да, несомненно, именно так себя и ведёт ребёнок, больной аутизмом!

– Не мог ведь профессор оставить вас без диагноза, – рассердилась я. – Это дало бы повод усомниться в его компетенции.

– Что ты имеешь в виду? Я не понимаю.

– Взялась бегать по врачам – приготовься обрывать диагнозами. Может, не стоило и начинать.

– Да, мы уже полгода только этим и занимаемся.

– Наверняка сдали миллион анализов и обследовали каждую клеточку организма.

– Это точно.

– И теперь врач, тем более с профессорским званием, должен вынести вердикт. Обязательно что-нибудь да напишет.

– Считаешь, я зря всё это затеяла?

– Ты, Лиза, видимо, относишься к категории нервных мамочек. Они всё знают, много читают, перелопачивают медицинские сайты. И таскают детёныша по врачам в поисках всевозможных отклонений.

– Юля, но мы действительно с отклонениями! Ты разве не видишь?

– Не вижу, – я пожала плечами. – Отличный, весёлый ребёнок. Конечно, в три с половиной года можно было бы говорить получше, но в принципе так тоже нормально...

Я подумала о Мишутке, Евином сыне. Так как мы живём в одном подъезде, сей юный джентльмен является частым гостем в моей квартире. Михаилу тоже три с половиной. Мы с ним уже выучили столицы всех стран мира. Я проверяю по карте, так как сама удерживать в памяти сотню названий не в состоянии, а ему – раз плюнуть. К тому же он виртуозно управляет с деепричастиями и вводными оборотами и даже использует союз «ибо»: «Юля, насколько ты знаешь, я не планировал есть этот творог! Ибо он совершенно отвратителен!»

Да, это Миша. Он – на другой границе нормы. Мы с ним встретились, когда ему был годик, – Ева купила квартиру в нашем доме. Но ведь все дети разные, и каждый ребёнок развивается по собственному графику, заложенному природой...

– Вот! – подхватила Лиза. – Ты сама признаёшь, что мы капитально отстаём.

– Я этого не говорила!

– Ему три с половиной года, а он едва десять слов говорит.

– У тебя плохо с математикой, красавица моя! Я, между прочим, насчитала пятьдесят!

– Да?

Мы с Лизой начали загибать пальцы, вспоминая используемые Ваней слова. Действительно, пятьдесят слов набрали. Лиза оживилась, задышала взволнованно: какой-никакой, а прогресс!

– Уже полсотни, вот видишь! – сказала я. – Отстань от ребёнка. Дай ему время. Не подгоняй под общий стандарт. Прекрати таскать пацана по врачам. Он через месяц начнёт тараторить как диктор службы новостей, и вы с мужем не будете знать, куда деваться от его болтовни.

– Даже не верится, что мы доживём до такого счастья, – мечтательно произнесла Лиза. – Как бы я хотела! О-о...

Я посмотрела на неё с сочувствием. Да, легко советовать, у меня же нет детей. И страх за ребёнка, за маленькое сладкое существо, вверенное тебе Богом, страх безумный и разрушительный, мне ещё не знаком. Кто знает, возможно, я и сама, когда обзаведусь потомством, начну метаться по врачам, как ненормальная, и буду паниковать из-за ничтожного чиха.

Подъезжая к дому, я присмотрела отличное местечко для парковки – между задней стеной магазина и заборчиком, огораживающим детскую площадку. Заборчик полностью скрылся под пластами утрамбованного снега, стена магазина до самой крыши подпиралась гигантским серым, с чёрными вкраплениями сугробом.

Джип Евгении уже стоял там, рядом – чей-то «мерс», и между автомобилями чудесным образом сохранилось свободное пространство.

Быстрее, быстрее!

Пока никто не занял!

Пришлось развернуться, задним ходом объехать магазин сбоку, лавируя между крыльцом для приёма товара и двумя автомобилями, припаркованными параллельно стене, и затемвтиснуться между джипом Евгении и «мерсом».

Ах, как ровненько!

Да, меня хлебом не корми, дай ровненько припарковать машину. Прямо какая-то болезнь... Но я это осознаю и постоянно сражаюсь с моим мелочным перфекционизмом: нет никакой необходимости надевать стринги и бюстгальтер, идеально совпадающие по цвету; вовсе не обязательно останавливаться на светофоре строго у стоп-линии; мир не погибнет, если я сделаю опечатку в электронном письме... Привычка добиваться идеала в мелочах отдаёт неврозом. Особенно если в решении более масштабных вопросов ты часто терпишь поражение.

...Я осторожно открыла дверь – до сверкающего бока Жениной машины оставалось всего ничего. Еле протиснулась. Вылезла и сразу увидела у подъезда... Егора.

Сердце неприятно ёкнуло.

Почему? Что случилось?

Я что-то сделала не так?

– Юля, добрый день! – помахал рукой Егор и тут же отправился в путь по сугробам, огибая снежную военную крепость, построенную ребятней.

– Здравсьте, – неуверенно пробормотала я.

– Надо же, как вы ловко сюда вписались, Юля, – сказал Егор, проверяя расстояние между бортами моей и соседних машин. – Да ещё и задним ходом. Bravo! Вы настоящий ас.

– Что вы! Сама понять не могу, как так вышло, – проямлила я. – Совершенно случайно. Но спасибо за комплимент. А как вы тут очутились?

– Возникла необходимость задать вам ещё несколько вопросов. И я решил сделать это тет-а-тет.

– А-а... Понятно. Тогда задавайте быстро, потому что у меня ещё дела, ехать надо.

– Не хотелось бы спешить.

Я развела руками. И увидела Евгению, она шла из магазина.

– Привет! Наконец-то, – сказала подруга. – Почему опаздываешь? Я тут партизану, не знаю, куда деваться. Ещё не хватало на бывшего напоротья.

– Почему бы тебе на него не напоротья, – усмехнулась я. – Всадила бы ему нож в сердце: выглядишь отлично, одета шикарно, да ещё и на роскошном джипе.

– Хм... – задумалась подруга. – А что? В принципе ты права.

Евгения, моя бывшая соседка, обитает за городом в коттеджном посёлке – с детьми и вторым мужем (Генрих Николаевич – начальник Никиты, владелец «Юния-Транса»). Первый муж живёт по соседству со мной, вместе с барышней, на которую он променял Евгению и двух отпрысков.

Мексиканский сериал.

– Познакомься, Женя, это Егор, сотрудник страховой компании «Атлант».

– Очень приятно. Моя машина у вас застрахована, – подруга указала пальцем на джип. По зеркальным бокам автомобиля, ослепительно вспыхивая, растекалось солнце.

– Не вздумай его расколошматить, денег от «Атланта» не дождёшься, – язвительно предупредила я Женю.

– Юля, ну зачем вы так? – укоризненно посмотрел на меня Егор.

– Что, серьёзно? – заволновалась Женя. – Вы ненадёжная компания?

– Юля пошутила. Клиенты в целом нами довольны. Но машину, конечно, разбивать не следует.

– Багажник открой, – сказала мне Женя. – Я памперсы перекину. Да и поеду уже. Иначе детишки дом подожгут.

– Позвольте, я помогу, – Егор безапелляционно оттеснил подругу от её машины и вытащил из джипа две огромные сумки, набитые упаковками подгузников. Он погрузил добычу в «Жигули». В моём багажнике, кроме того, уже лежало несколько коробок с молочной смесью.

Евгения одними глазами просемафорила за спиной Егора: «А он ничего!», потом быстро поцеловала меня в щёку и полезла за руль.

– Обязательно надо встретиться, спокойно посидеть, поговорить, – сказала она.

– Мы обязательно встретимся, спокойно посидим, поговорим. Вот только когда?

– Ой, не знаю.

– У меня тоже дел невпроворот.

– Егор, задавайте ваши вопросы, и я помчалась. Мне надо отвезти всё это богатство в детскую больницу.

– Похоже, без грузчика вам не обойтись. Поехали вместе?

Неплохая идея!

У меня начинало ломить плечи и локти при мысли о том, как потащу сумки и коробки на третий этаж больницы. Уже переправила туда тонну груза! Но ничего, эпопея близка к завершению.

По дороге рассказала Егору о брошенных малышах и проблемах, связанных с их перемещением из больницы в детдом.

– Юля, почему вы этим занимаетесь?

– Должен ведь кто-то этим заниматься.

Ловко увернувшись от очередной маршрутки (какие они всё-таки бешеные!), вспомнила, как заливала Егору о маленьком водительском стаже и неспособности справиться с машиной.

Надо бы ехать помедленнее.

И хорошо бы пару раз заглохнуть.

Впрочем, притормозить следовало из соображений элементарной безопасности. Дороги этой зимой находились в чудовищном состоянии. Снегопады и неспособность городских служб справиться с непредвиденной напастью (кто же знал, что зимой вдруг выпадет снег?) превратили проезжую часть в арену ледовых побоищ. Машину вертело из стороны в сторону, колотило в глубокой колее, трясло на ледяных «гребёнках», украшавших каждый перекрёсток. За двадцать минут поездки мы увидели четыре ДТП. Но сами, как ни странно, добрались до цели невредимыми.

Егор в четыре захода переправил гуманитарный груз в отделение. Он оттеснил меня от багажника и забрал из рук последнюю коробку с питанием.

– Юля, отставить! Вы сами чуть больше этой коробки весите! Ну-ка, дайте сюда.

Его помощь была кстати, меня переполняла благодарность...

– В больнице, наверное, пускают молочную смесь и памперсы налево, – поджала губы Виктория Анатольевна (ведущая рубрики «Садовый Участок»), когда я собирала в редакции пожертвования в пользу отказных малюток. – Торгуют ими. А ты, Юля, бегаешь тут, деньги из нас трясёшь.

– Ладно вам, – миролюбиво ответила я. – Не хотите – не сдавайте. Я же не заставляю. Я думаю, никто этими памперсами не торгует. Должна же у людей быть совесть?

– Ты слишком доверчива, – покачала головой Виктория Анатольевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.